50 ЗНАМЕНИТЫХ УБИЙСТВ

FOLIO

Владислав Миленький
Александр Владимирович Фомин

50 знаменитых убийств

Серия «100 знаменитых»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4977120
50 знаменитых убийств: Фолио; Харьков; 2005
ISBN 966-03-2760-9

Аннотация

Эдуард V и Карл Либкнехт, Улоф Пальме и Григорий Распутин, Джон Кеннеди и Павлик Морозов, Лев Троцкий и Владислав Листьев… Что связывает этих людей? Что общего в их судьбах? Они жили в разные исторические эпохи, в разных странах, но закончили свою жизнь одинаково – все они были убиты. Именно об убийствах, имевших большой общественно-политический резонанс, и об убийствах знаменитых людей пойдет речь в этой книге. На ее страницах вы не найдете леденящих душу подробностей преступлений маньяков и серийных убийц. Информация, предложенная авторами, беспристрастна и правдива, и если существует несколько версий совершения того или иного убийства, то приводятся они все, а уж какой из них придерживаться – дело читателей.

Содержание

От авторов 4
ДРЕВНИЙ РИМ 7
ВЛАСТЬ ДОРОЖЕ ЖИЗНИ 7
ГНЕЙ ПОМПЕЙ МАГН 7
ЦЕЗАРЬ ГАЙ ЮЛИЙ 38
ГАЙ ЦЕЗАРЬ ГЕРМАНИК КАЛИГУЛА 60
БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ 75
АНГЛИЯ 85
БЕКЕТ ТОМАС 85
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Александр Фомин, Владислав Миленький 50 знаменитых убийств

От авторов

Смерть – самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни.
Н.А. Бердяев.

Как часто в наших повседневных разговорах, ссорах и дрязгах мы подчеркиваем негативные качества человека, используя «зоологические» эпитеты! Не реже подобные сравнения мы встречаем и в литературе. Хитрость лисы, коварство змеи, жестокость волка, подлость шакала… Между тем мы забываем об общеизвестном факте: убийство себе подобных, как массовое явление, не характерно для всех этих «нехороших» животных. Незнакомые с человеческой моралью представители животного мира крайне редко убивают особей своего вида. Большинство конфликтов среди животных, будь то ссора из-за места проживания, драка за добычу или брачный поединок, крайне редко заканчиваются ги-

белью проигравшего. Напротив, в моральных устоях большинства человеческих сообществ убийство считается одним из самых тяжелых преступлений. И тем не менее, люди убивают друг друга сплошь и рядом. Из-за денег или в борьбе за власть, в приступе гнева, из мести или для собственного удовольствия. Даже в тех случаях, когда основным мотивом убийства является высокая идея, «моральность» такого поступка не может не вызывать сомнений.

На страницах этой книги вы не найдете леденящих душу подробностей преступлений маньяков и серийных убийц. Мы не станем потакать сознательному или подсознательному желанию прославиться, характерному для многих из этих психически больных людей. В основном здесь собрана информация об убийствах, имевших большой общественно-политический резонанс, и убийствах знаменитых людей. Не удивительно, что большинство статей посвящено гибели государственных деятелей разных времен: от Древнего Рима и до наших дней. Шведский политик 17 века граф Аксель Оксеншерна писал: «Подвергаться смертельной опасности для того, чтобы остаться в истории – значит заплатить жизнью за каплю чернил». Но во все времена хватало людей, которые считали иначе. Мы внесем свою скромную лепту в ту каплю чернил, за которую они отдали жизнь.

Практически в каждой статье мы старались не только рассказать о самом убийстве, но и кратко изложить биографию героя, по возможности описать политическую ситуацию, и

роль, которую играли в ней упоминающиеся лица, изложить возможные мотивы преступления, рассказать о последствиях убийства и дальнейшей судьбе преступников. Кроме того, во всех случаях, по поводу которых среди исследователей (когда речь идет о преступлениях далекого прошлого) или следователей (если рассказывается о современных событиях) нет единого мнения, мы старались беспристрастно рассматривать все обнаруженные нами точки зрения.

Большинство статей собрано в разделы. В ряде случаев мы хотели не только описать отдельных людей и обстоятельства их смерти, но и дать краткую характеристику какой-либо эпохи в истории некоторых стран. Поэтому мы рекомендуем последовательно читать статьи, входящие в один раздел. Особенно сильно связаны между собой статьи из следующих разделов: «Франция. В жертву вере» (описаны события во Франции в эпоху религиозных войн), «Иван Грозный и его «наследники» (обстоятельства жизни и смерти Ивана Грозного, Ивана и Дмитрия – его сыновей, Лжедмитрия I и II), «Жертвы террора» (посвящен деятельности революционных террористических организаций в России), «Индия».

ДРЕВНИЙ РИМ

ВЛАСТЬ ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

ГНЕЙ ПОМПЕЙ МАГН

(106–48 до н. э.)

Римский полководец и политик. После отказа сената утвердить его мероприятия на Востоке и наделить его солдат землей в 60 г. до н. э. вошел в соглашение с Крассом и Цезарем (1-й триумвират). После распада триумвирата (53) воевал против Цезаря. В 48 г. до н. э. победил его при Диррахии (Эпир), но затем был сам разбит Цезарем при Фарсале (Фессалия). Бежал в Египет, где был убит приближенными царя Птолемея Диониса.

Окончательный разгром Карфагена в 146 г. до н. э. сделал Рим крупнейшей средиземноморской державой, владевшей множеством колоний, число которых увеличивалось в результате новых военных успехов. Воины промышляли грабежом захваченных территорий. Большая же часть гражданских лиц вела праздный образ жизни, пользуясь результатами труда рабов и жителей многочисленных колоний. В связи с этим политика была одним из любимых занятий среднестатистического гражданина: материальные блага нужно было как-то делить. На политической арене Рима сформировались две противоборствующие политические партии: оптиматы, защищавшие интересы патрициев, и популяры, действующие в интересах плебеев.

«Политика – самое грязное дело» – эту или похожие по смыслу фразы можно постоянно слышать от людей самых разных возрастов, убеждений и профессий, в том числе, как это ни странно, и от самих политиков. Политическая борьба

в Древнем Риме была, пожалуй, даже более острой, беспринципной и жестокой, чем в настоящее время. Интриги, клевета, подкуп избирателей и государственных деятелей всех уровней, запугивание оппонентов и, наконец, политические убийства – не изобретение наших дней. Все эти способы политической борьбы процветали в Древнем Риме.

При этом следует помнить, что моральные нормы Древнего Рима сильно отличались от современных. Поэтому давайте попытаемся смотреть на Помпея и его современников с беспристрастностью, право на которую дали нам века, прошедшие с тех пор, и не будем делить персонажей на положительных и отрицательных.

Гней Помпей Магн по праву считается одним из величайших полководцев в истории человечества. За свою жизнь он выиграл более десятка различных войн, а проиграл только одну. Нежелание смириться с этим поражением и стало для него роковым.

К отцу Помпея, Страбону, римляне не питали теплых чувств. Он был прекрасным воином и полководцем, но его ненасытное корыстолюбие вызвало такую сильную ненависть со стороны народа, что после смерти его тело было сброшено толпой с погребального ложа и осквернено. Тем удивительней отношение сограждан к Помпею. С юных лет и до самой смерти он пользовался любовью и уважением народа. В молодости его привлекательная внешность (окружающие находили, что юноша похож на изображения Алек-

сандра Македонского) располагала еще до того, как Помпей начинал говорить. Окружающие также с симпатией относились к его скромности и простоте в быту – качеству, которому Помпей не изменил до конца своих дней.

В возрасте девятнадцати лет Помпей участвовал вместе со своим отцом, Страбоном, в гражданской войне. Многочисленные гражданские войны – еще одна не самая привлекательная черта отношений между политическими лидерами того времени. Уже тогда молодой Помпей проявил отвагу и умение общаться с солдатами. Однажды ночью воины, недовольные действиями Страбона, подняли мятеж и хотели покинуть своего полководца. Страбон, напуганный происходящим, побоялся выходить из палатки. Но Помпей, который сам только что едва избежал покушения, вышел к воинам и сумел уговорить большинство из них не покидать отца.

После смерти Страбона Помпея привлекли, вместо умершего, к суду по делу о хищении государственных денег. Помпей смог выяснить и доказать, что большая часть денег похищена вольноотпущенником[1] его отца Александром. Вещи же и книги, присвоенные Страбоном в походе и доставшиеся Помпею, были похищены при следующих обстоятельствах: после того как в Рим вернулся Цинна[2], его телохранители ворвались в дом к Помпею и разграбили его (что тоже было

---

[1] Вольноотпущенник – отпущенный на свободу или выкупившийся раб, остававшийся при своем бывшем владельце.

[2] Цинна – консул, бывший противником Страбона в гражданской войне.

вполне нормальным явлением). Во время судебного разбирательства Помпей продемонстрировал сообразительность и ум, вызвавшие восхищение претора[3] Антистия, который был судьей на процессе. Антистий предложил в жены Помпею свою дочь, Антистию, и тот принял это предложение. Стоит ли говорить о том, что приговор был оправдательным.

В это время к власти в Риме пришли популяры. Помпей собирался стать на их сторону, но подвело происхождение. Популяры не очень-то доверяли представителю знатной семьи. Поэтому Помпей покинул Рим и поселился в италийской области Пицене, где у него имелись обширные земельные владения.

Вскоре разгорелась новая гражданская война. Два знаменитых полководца того времени – Марий, происходивший из небогатой семьи и опиравшийся на поддержку популяров, и Луций Корнелий Сулла, потомок разорившегося аристократического рода, поддерживаемый оптиматами, – оспаривали право возглавлять римские войска в войне с понтийским[4] царем Митридатом VI Евпатором. Война эта обещала славу и богатство. Сулла был моложе и занимал должность консула[5]. Кроме того, в нескольких последних войнах он снискал

---

[3] Преторы – высшие после консулов должностные лица, ведавшие судопроизводством.

[4] Понт – государство в северной части Малой Азии. За время правления Митридата VI Евпатора достигло расцвета.

[5] Консулы – верховные должностные лица. Два консула выбирались сроком на один год.

себе громкую славу и популярность среди воинов. Поэтому именно ему, скорее всего, должно было достаться руководство этой многообещающей кампанией. Понимая это, популяры устроили вооруженный мятеж, и Сулла, загнанный погоней в дом Мария, был вынужден пойти на ряд уступок, в том числе и перепоручить поход против Митридата Марию. Однако амбициозный Сулла не собирался сдаваться. Усыпив бдительность Мария, он бежал из Рима и сумел добраться до Нолы, места дислокации войск, раньше направленных туда военных трибунов[6], которые должны были принять войско и привести его к Марию. Узнав о случившемся, воины отказались подчиниться военным трибунам. В это время сторонники Мария в Риме начали преследовать и грабить друзей Суллы. Появились беглецы. Часть бежала из города в лагерь, часть – наоборот. Сулла поднял войска и повел их на Рим, чего в истории «вечного города» еще никогда не случалось.

В это время на арене и появился наш герой. Помпей наблюдал за происходящей борьбой и видел, что в лагерь Суллы бежит все больше знатных и богатых людей. В конце концов он тоже решил примкнуть к оптиматам. Но предпочел явиться к Сулле, оказав ему важную услугу. Опираясь на связи своего отца с зажиточными гражданами Пицен, Помпей убедил их не подчиняться находящемуся тогда у власти Карбону, лидеру популяров, и перейти на сторону Суллы.

---

[6] В о е н н ы е трибуны – выборная командная должность в древнеримской армии.

Собрав три полных легиона[7], Помпей двинулся на встречу с Суллой, по пути постоянно вступая в сражения с превосходящими его силами популяров и выходя из них победителем.

При воссоединении войск произошел интересный эпизод. Приветствуя Суллу, Помпей по обычаю назвал его императором[8], а Сулла, в свою очередь, наградил Помпея этим же титулом, за который он, собственно, и сражался с Марием. Учитывая молодость Помпея (ему в это время по разным источникам было 20–23 года) и то, что он даже не был сенатором, этот случай можно назвать беспрецедентным.

Став по окончанию войны диктатором[9], Сулла предложил Помпею развестись с женой и жениться на своей падчерице Эмилии. Эмилия, к слову, на тот момент была уже замужем и находилась «в положении». Скорее всего, Помпей просто не мог отказаться от подобной «чести», чем сам стремился к этому браку. Но, так или иначе, брак был заключен.

Через некоторое время популяры во главе с Карбоном и Перпеной снова смогли собрать войска и укрепиться в Сицилии. Против них во главе большого войска был послан Помпей. Практически без боя овладев Сицилией, Помпей, возможно, боясь быть заподозренным в симпатии к популя-

---

[7] Л е г и о н – основное подразделение римского войска, включающее 4,5–10 тыс. человек.

[8] Первоначально и м п е р а т о р – почетный титул полководца.

[9] Д и к т а т о р – лицо, наделенное практически неограниченными полномочиями, выбирался сенатом в случае внешней или внутренней опасности.

рам, казнил самых известных противников Суллы, при этом не мешая, а то и помогая скрыться остальным. После этого Помпей получил приказ отправиться в Африку, где, проявив незаурядный тактический талант, разбил двадцатитысячное войско, собранное еще одним популяром Домецием. Победой над Домецием военные подвиги Помпея не ограничились, и он предпринял поход в Нумидию, чем расширил владения империи и укрепил власть римлян в Африке. В это время Помпею было двадцать четыре года.

Возвратившись с войском на родину, Помпей получил от Суллы приказ распустить войско. Воины, несмотря на уговоры Помпея, отказывались его покинуть. В конце концов Помпею даже пришлось пригрозить, что он покончит с собой, если войско не перестанет бунтовать. После этого Сулла, уже было испугавшийся, что молодой полководец использует свою популярность в войске для захвата власти, устроил ему пышный прием и прибавил к его имени прозвище Магн (Великий). Первое время Сулла, правда, не позволял Помпею отпраздновать триумф[10], но потом, возможно, испугавшись влияния, которое оказывал молодой полководец на войско, согласился. Так в двадцать четыре года Помпей удостоился триумфа. Еще один уникальный эпизод в его судьбе.

После смерти Суллы (в 78 г. до н. э.), один из консулов, Лепид, собрал вокруг себя бывших сторонников Мария и поднял восстание против сената. Помпей был назначен глав-

---

[10] Торжественное вступление в столицу полководца-победителя с войском.

нокомандующим и легко расправился с повстанцами. После победы Помпей отказался распускать войска и добился разрешения отправиться в Испанию, чтобы принять участие в подавлении антиримского восстания, возглавленного Серторием. Получив такое разрешение и прибыв в Испанию, Помпей принял активное участие в военных действиях. Но тут его чуть было не подвели собственные амбиции. На реке Сурконе Помпей поспешил вступить в сражение с основными силами Сертория, не дожидаясь прибытия войск второго римского полководца Метелла, с которым не хотел делить славу. К концу дня победитель не определился, но ближе к победе были войска Сертория. Сам Помпей чуть было не погиб в этой битве. А на следующий день прибыли войска Метелла и Серторий отступил.

Восстание с переменным успехом продолжалось, пока Серторий не был убит предателями, во главе которых стоял Перпена. Тот самый Перпена, который уступил в свое время Помпею Сицилию. Возглавив повстанцев, Перпена повел дела не так умело, как его предшественник, и вскоре был разбит Помпеем, опять проявившим свой стратегический талант. В решающем сражении Помпей выслал вперед десять когорт[11] в качестве приманки, а когда Перпена напал на них и стал преследовать, подвел основные войска.

Возвращение Помпея в Италию совпало с восстанием ра-

---

[11] К о г о р т а – конное подразделение, состоящее из 360–600 всадников. Легион состоял из десяти когорт.

бов. Римский полководец Марк Красс разбил повстанцев, а остатки войска попали в руки Помпея, который распял более пяти тысяч пленных на крестах и написал в сенат, что Красс разбил гладиаторов в открытом бою, а он, Помпей, вырвал войну с корнем.

Римляне опасались, что Помпей пойдет по стопам Суллы и, воспользовавшись войском, захватит власть, но Помпей объявил, что распустит войска сразу после триумфа.

В 71 году до н. э. был отпразднован второй триумф Помпея, а в 70-м Помпей и Красс были избраны консулами. Во время консульства Помпей изменил свои политические взгляды и перешел на сторону популяров. Он восстановил должность народных трибунов, отмененную Суллой, что увеличило его и без того большую популярность в народе. За время консульства отношения между Помпеем и Крассом, которые никогда не были гладкими, стали еще напряженнее.

Но политические таланты Помпея сильно уступали его талантам полководца. Поэтому после окончания срока консульства Помпей был назначен командующим в войне с пиратами.

Обосновавшись на Юго-Восточном побережье Малой Азии, пираты воспользовались гражданскими войнами в самой Италии и, захватив господство на море, стали грабить прибрежные города. Подобное ремесло стало настолько выгодным, что многие знатные и состоятельные люди становились пиратами. Морская торговля на Средиземном мо-

ре стала невозможной, и Рим столкнулся с недостатком продовольствия. Поэтому был принят законопроект, предоставлявший Помпею командование флотом, неограниченные полномочия в провинциях, возможность брать любое количество денег из казначейства.

Вера римлян в Помпея была настолько большой, что, когда законопроект был обнародован, упали цены на продовольствие. Помпей собрал флотилию из пятисот кораблей. Затем, разделив все Средиземное море на тринадцать участков, он расположил в каждом из них определенное количество кораблей с начальником во главе. Таким образом было захвачено много пиратских кораблей. Некоторые пираты сдались Помпею. Он забрал их корабли, не причинив вреда команде, что послужило примером для многих других. Главная битва с пиратским флотом состоялась у крепости Коракесия в Малой Азии. Потерпев поражение в морском сражении, пираты укрылись в крепости, были осаждены и вскоре сдались. Удивительно, что Помпей не покарал пиратов, а расселил их в отдаленных от моря местах.

В это время произошли события, сыгравшие в дальнейшей жизни Помпея негативную роль. Один из народных трибунов, Манилий, предложил закон, согласно которому Помпею передаются все провинции и войска, во главе которых стоял Лукулл – полководец, который уже восемь лет вел войну с Митридатом. Знатные римляне понимали, что такие меры незаслуженно обидят Лукулла, добившегося в войне мно-

гих успехов и сделавшего окончательную победу над Митридатом делом времени, но, опасаясь гнева народа, уклонились от обсуждения законопроекта. В результате закон был принят. Прибыв в провинции, Помпей принялся демонстрировать, «кто в доме хозяин», всюду отменяя указы Лукулла. Кроме того, он открыто издевался над подвигами Лукулла, нажив в лице последнего опасного противника.

После отъезда Лукулла Помпей выступил против Митридата. Эта война оказалась достаточно продолжительной. Несколько раз Помпей разбивал войска Митридата, но тот собирал все новые силы. Преследуя Митридата, Помпей вторгся в Армению, царь которой, Тигран, предпочел подчиниться римлянам. Преследование Митридата продолжалось через Албанию и Иберию, находящиеся на территории современного Азербайджана и Грузии. Попутно Помпей разбил в сражениях и альбанов, и иберов. Но Митридат укрылся на Киммерийском Боспоре, современном Керченском полуострове.

Вернувшись в Малую Азию, Помпей покорил Сирию и Иудею. Но, не разбив окончательно Митридата, нельзя было считать войну законченной. А захватить понтийского царя на Керченском полуострове было бы непросто. Тут Помпею помог случай: сын Митридата Фарнак поднял восстание против своего отца, армия приняла стороны восставших и, после того, как столица Пантикапей (современная Керчь), была захвачена повстанцами, Митридат покончил с собой. Эти

события позволили Помпею вернуться в Италию.

В Риме поползли слухи о том, что Помпей собирается использовать войска для установления единовластия. Многие богатые граждане, в том числе и Красс, стали покидать столицу. Но Помпей сразу по прибытии в Италию приказал воинам разойтись до празднования триумфа по домам. Узнав об этом, жители городов выходили навстречу Помпею, и когда полководец входил в Рим, его сопровождала восторженная толпа, превышавшая по численности распущенное войско. Так что, задумай Помпей совершить государственный переворот, он мог бы сделать это и без помощи войска.

Третий триумф Помпея, длившийся два дня, был грандиозен. Впереди шествия несли таблицы, на которых обозначались страны, покоренные полководцем: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, Иберия, Альбания, Сирия, Киликия, Месопотамия, Финикия, Палестина, Иудея, Аравия. Далее было написано, что Помпей захватил не менее тысячи крепостей, девятьсот городов, восемьсот кораблей у пиратов. Также указывалось, что до похода доходы от податей составляли пятьдесят миллионов драхм, а захваченные Помпеем земли принесут восемьдесят пять миллионов. Больше же всего славы Помпею принесло то, что свой третий триумф он праздновал как бы уже за победу над третьей частью света: первый был за победу над Африкой, второй – над Европой и третий – над Азией.

Казалось бы, имея громадную популярность во всех сло-

ях общества, Помпей был просто обречен на блистательную политическую карьеру. Но еще раз приходится признать, что Помпей-полководец и Помпей-политик – фигуры разного масштаба. Именно в это время, когда Помпей, казалось, находился на вершине славы и могущества, и начались события, приведшие через некоторое время к его убийству.

У Помпея начались политические неприятности. Сенат устроил Лукуллу торжественный прием в Риме и стал побуждать полководца, оскорбленного Помпеем, к политической деятельности. Таким образом сенаторы собирались ограничить влияние Помпея. После возвращения Помпея в Рим Лукулл стал отстаивать правильность своих указов в Азии, отмененных Помпеем, и сенат во всем признал его правоту. Не имея поддержки в сенате, Помпей был вынужден искать сторонников среди народных трибунов и очень быстро попал в зависимость от некоего Клодия, который стал активно пользоваться популярностью Помпея в своих целях, а затем предал его.

В это время в политическую жизнь Рима активно вмешался Гай Юлий Цезарь. Он смог примирить старинных противников – Помпея и Красса – и заключил с ними в 60 году до н. э. тайный союз, триумвират. Для укрепления союза Помпей женился на дочери Цезаря – Юлии. Деньги Красса, влияние, которое оказывал на армию Помпей, и расположение простолюдинов, которое уже успел завоевать щедрыми подачками Цезарь, – все это вместе было политической силой,

противостоять которой было практически невозможно. Согласно замыслам триумвиров, Цезарь был избран консулом на 59 год до н. э.

Став консулом, он тотчас же предложил законопроект об основании колоний и раздаче земель, призванный улучшить положение «бедняков и неимущих». «Бедняками и неимущими» в основном почему-то оказались 20 тысяч ветеранов Помпея. Против этого законопроекта выступил второй консул 59 года – Бибул, но Помпей выступил в защиту законопроекта и даже пообещал защищать его с мечом в руках. Через некоторое время воины Помпея напали на Бибула, когда тот спускался на форум[12] вместе с Лукуллом и Катоном[13]. Катон – человек, всегда стоящий на стороне закона, пытался оказать хоть какое-то сопротивление триумвирату. В результате нападения было ранено двое народных трибунов, а запуганный Бибул на восемь месяцев заперся у себя в доме и не появлялся для выполнения своих обязанностей консула.

После этого Цезарь и Помпей уже без помех провели законопроект, вызвавший, надо заметить, одобрение народа. Воспользовавшись этим, Цезарь смог, что называется «под шумок», добиться принятия еще нескольких, более сомнительных, решений. Так, например, были утверждены спорные распоряжения, сделанные Помпеем в Азии, когда тот

---

[12] Ф о р у м – площадь в Риме, ставшая центром политической жизни.

[13] *Катон* (95–46 до н. э.) – римский политический деятель, судебный оратор, философ, известный своей справедливостью и неподкупностью.

пришел на смену Лукуллу. По окончании консульства Цезарь получил в управление на пять лет провинцию Галлию. Консулами на следующий год были избраны Пизон, тесть Цезаря, и Габиний, ставленник Помпея.

Цезарь, уезжая в свою провинцию, позаботился о том, чтобы Помпей не стал единоличным властителем Рима. Он поручил Клодию всячески мешать Помпею. Клодий с азартом взялся за дело. Он затеял несколько судебных процессов против сторонников Помпея. Когда же тот пожелал лично выступить на одном из процессов, подкупленная Клодием толпа не дала Помпею говорить, крича и обвиняя его в тирании.

Дело дошло до вооруженных столкновений. Одного из рабов Клодия поймали, когда тот пытался подобраться к Помпею с мечом в руках. На улицах города то и дело происходили стычки между сторонниками Клодия и солдатами Помпея. Помпей смог добиться возвращения в Рим изгнанного Клодием Цицерона[14]. Цицерону удалось примирить Помпея с сенатом. Сенат принял решение поручить Помпею снабжение хлебом Рима, страдавшего от недостатка продовольствия. Помпей блестяще справился с этой задачей, спас город от голода и снова сделался популярной фигурой в глазах римлян.

Тем временем Цезарь обогатился во время войн в Галлии.

---

[14] *Марк Туллий Цицерон* (106–43 до н. э.) – римский политический деятель, оратор и писатель.

Большую часть военной добычи он отсылал в Рим для раздачи народу и подкупа политических деятелей. Он сумел, оставаясь за пределами Италии, незримо противостоять Помпею в политических играх.

В 56 году Цезарь пригласил Помпея и Красса в Луку (город в северной Италии), где стояли на зимовке его войска. Между триумвирами было заключено новое соглашение. Согласно ему, Помпей и Красс должны были добиваться консульства. Цезарь обещал послать в Рим большой отряд солдат для голосования. После этого Цезарь должен был получить в свое распоряжение Галлию еще на пять лет, чтобы завершить войну. Во время предвыборной борьбы произошел неприятный инцидент. Все претенденты, кроме некоего Луция Домиция, отказались от попыток составить триумвирам конкуренцию на выборах. На стороне Домиция выступил Катон, видя, что приход к власти триумвиров приведет к тирании. Боясь, что Катон сможет настроить против них сенат и часть народа, Помпей подослал вооруженных людей, которые напали на свиту Домиция. В стычке получил ранение и сам Катон.

Получив таким способом должности консулов, Помпей и Красс добились продолжения полномочий Цезаря на следующие пять лет. Крассу была предоставлена для ведения войны против парфян[15] Сирия. Помпею – Ливия, Испания и че-

---

[15] П а р ф я н с к о е царство – государство в 250 до н. э. – 224 н. э. к юго-востоку от Каспийского моря. Название от парфян – иранского племени.

тыре легиона, два из которых он отправил Цезарю для участия в Галльской войне. По окончании срока консульства Красс отправился в Сирию. Помпей же поручил управление провинциями легатам[16], а сам попытался увеличить свою популярность в Риме. Не так давно он дал Риму хлеб, дело оставалось за зрелищами. Помпей построил театр и провел в нем редкие по своему размаху игры. Например, во время травли диких зверей было убито пятьсот львов, а под конец была показана битва со слонами.

Как и следовало ожидать, триумвират оказался колоссом на глиняных ногах. В его основе лежал страх каждого из участников союза перед остальными. И вскоре произошли события, приведшие к падению колосса. В 53 году до н. э. Красс потерпел поражение в войне с парфянами, был приглашен их царем будто бы для заключения мира и вероломно убит. Незадолго до этого во время родов умерла жена Помпея (дочь Цезаря) Юлия. Ребенок тоже вскоре скончался. Более ничто не могло удержать Помпея и Цезаря от открытого противостояния. Здесь хочется процитировать Плутарха, который и без того является основным источником сведений об описываемых событиях, дословно: «Нет, для человеческой натуры любого счастья мало! Насытить и удовлетворить ее невозможно, поскольку даже такая огромная власть, распространявшаяся на столь обширное пространство, не могла утишить честолюбия этих двух людей… они считали, что

---

[16] Ле г а т – назначавшийся сенатом посол или уполномоченный.

для них двоих не хватает всей римской державы».

В Риме тем временем царил хаос. Постоянно происходили вооруженные стычки на политической почве. Даже сторонники республиканского строя, оптиматы, понимали, что для устранения беспорядков необходимо единовластие. Кроме того, возникла опасность, что Цезарь после окончания сроков его полномочий не распустит боготворившие его войска и попробует с их помощью захватить власть. В конце концов Помпей, вопреки обычаям, был избран единственным консулом. Удивительно, что за это решение активно выступал бывший противник Помпея Катон, лишний раз доказав, что общественные интересы для него важнее личных амбиций. Вступив в должность, Помпей начал судебные процессы о подкупах и взяточничестве, сам председательствовал на этих процессах под охраной войск и тем самым добился порядка в судах. Жертвами, впрочем, далеко не невинными, ряда из этих процессов стали многие сторонники Цезаря.

Через некоторое время порядок в Риме был восстановлен. По окончании консульства сенат продлил Помпею срок управления провинциями еще на четыре года и выделил ему по тысяче талантов в год на содержание войска. Таким образом, положение Помпея стало гораздо более выгодным, чем у Цезаря, срок полномочий которого в Галлии подходил к концу. Цезарь же находился в затруднительном положении. Оптиматы грозили привлечь его к суду сразу после возвращения из провинций. Для того чтобы избежать суда,

Цезарь должен был либо добиться продления своих полномочий, либо стать консулом. Но добиваться должности консула заочно он не мог, об этом позаботился Помпей, проведя соответствующий закон. Под предлогом продолжения войны с парфянами Помпей также потребовал у Цезаря вернуть данные ему на время легионы. Получив требование, Цезарь сразу отпустил эти войска, предварительно щедро наградив каждого воина. Бдительность Помпея усыпили также рассказы некоего Аппия, приведшего легионы от Цезаря. Он ввел Помпея в заблуждение, заявляя, что войска недовольны командованием Цезаря и готовы подчиниться Помпею. После этих событий Помпей окончательно успокоился, считая, что его противник побежден, он открыто издевался над теми, кто боялся войны. На вопрос же, где войско, которое будет сражаться против Цезаря, если тот пойдет на Рим, отвечал, что стоит ему только топнуть ногой в любом месте Италии, как тотчас из-под земли появится войско.

Но Цезарь не собирался сдаваться. Ему удалось подкупить многих должностных лиц, среди которых были консул Павел и народный трибун Курион и его друг Марк Антоний. Они старались оттянуть сроки рассмотрения сенатом вопроса о смене командования в Галлии. Кроме того, они внесли довольно разумное предложение: либо лишить Помпея командования вместе с Цезарем, либо не лишать командования обоих. Но оптиматы и Помпей добились того, что это предложение не прошло. Помпей начал набирать войско, но

здесь не все пошло так гладко, как он предполагал. Гражданская война вряд ли могла бы принести солдатам славу и деньги. Большинство воинов стали требовать примирения соперников.

Цезарь тем самым выиграл время, успел подвести часть войск к границе, захватил город Аримин и, перейдя Рубикон, повел свои войска на Рим. Как только об этом стало известно в Риме, сенат обратился к Помпею. Но основные войска Помпея находились в Испании и Ливии, и защищать столицу было некому. Один из сенаторов, напомнив о бахвальстве Помпея, предложил ему «топнуть ногой». Помпею ничего не оставалось, как снести эту горькую насмешку. С подачи Катона Помпея назначили главнокомандующим с неограниченными полномочиями. К своему предложению Катон прибавил, что виновник случившихся несчастий сам должен положить им конец.

Тем временем по всей Италии и в самом Риме началась паника и беспорядки. Помпей не смог навести в городе порядок и в конце концов, призвав сенаторов следовать за собой, покинул Рим. Через несколько дней в город вошел со своими войсками Цезарь. Надо отметить, что он, вопреки опасениям, повел себя достаточно мягко, чем вызвал расположение жителей Рима. Захватив государственную казну, Цезарь бросился преследовать Помпея, стремясь изгнать его из Италии до прибытия испанских войск.

Помпей захватил прибрежный город Брундизий, отпра-

вил своих доверенных лиц в Сирию собирать флот, а сам переправился в Грецию, где рассчитывал дождаться прибытия войск из Испании. Многие, в том числе и Цезарь, считают, что этот поступок Помпея был ошибкой. Имея в своем распоряжении укрепленный город и ожидая прибытия большого подкрепления из Испании, он все-таки решил покинуть Италию.

Не имея возможности преследовать Помпея из-за отсутствия флота, Цезарь двинулся в Испанию, чтобы воспрепятствовать присоединению пяти расположенных там легионов к армии противника. К чести Цезаря надо сказать, что с побежденными он вел себя вполне милосердно. Разбив войско Помпея в Испании, Цезарь отпустил военачальников на свободу, а солдат присоединил к своему войску. Из Испании Цезарь с войском двинулся в Брундизий, посетив по дороге Рим, где его провозгласили диктатором.

К тому времени Помпей сумел собрать большие силы: флот из пятисот кораблей, семь тысяч всадников и сорок пять тысяч пехотинцев. К его лагерю примыкало все больше и больше знатных римлян, среди которых, например, был и такой заслуживающий внимания персонаж, как Марк Брут, один из основных героев нашей следующей главы.

После прибытия в Брундизий Цезарь допустил сразу несколько оплошностей, чуть было не ставших для него роковыми. Не имея достаточного количества кораблей, Цезарь вместе с частью своих войск переправился в Грецию. Остав-

шиеся в Италии долгое время не могли последовать за своим полководцем, так как флот Помпея блокировал гавань Брундизия. Но Помпей упустил возможность и не напал на противника.

Однако даже после прибытия оставшегося войска положение Цезаря оставалось тяжелым. Флот Помпея господствовал на море, и за счет этого его армия была снабжена всем необходимым. Солдаты Цезаря начали испытывать недостаток продовольствия, поэтому он осадил приморский город Диррахия, через который к Помпею поступало продовольствие и подкрепление. У городских укреплений постоянно происходили стычки. Во время одной из них Помпей снова имел все шансы окончательно разделаться с противником. Воины Помпея совершили вылазку, и Цезарь был разбит. Его солдаты, потеряв больше тысячи товарищей, бросились бежать. Но преследовавший их Помпей не решился ворваться в лагерь врага и отступил. По этому случаю Цезарь сказал: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому победить».

После этой схватки Цезарь принял решение двигаться в глубь Фессалии[17] против сторонника Помпея Сципиона. Между сторонниками Помпея возникли разногласия. Часть из них считала, что Цезарь бежит, и предлагала его преследовать, часть считала, что пора возвращаться в Италию. Многие уже стали делить государственные должности. Сам

---

[17] Ф е с с а л и я – область на востоке Греции.

Помпей медлил. Он опасался встретиться с многоопытными воинами Цезаря в открытом бою, надеясь на то, что армия противника будет истощена длительной войной, недостатком продовольствия и тяготами походной жизни и в конце концов распадется сама. Но, уступив нажиму со стороны своих сторонников, Помпей начал преследование.

Между тем Цезарь захватил фессалийский город Гомфы и смог, тем самым, накормить свою армию.

5 июня 48 года до н. э. оба войска расположились лагерем на Фарсальской равнине. Силы были не равными. Под началом Помпея находились семь тысяч всадников и сорок пять тысяч пехотинцев. Цезарь располагал всего одной тысячей всадников и двадцатью двумя тысячами пехотинцев. Единственным преимуществом Цезаря было то, что его войско состояло из опытных воинов, прошедших Галльскую войну.

Утром 6 июня Цезарь собирался двинуться дальше, но тут разведчики доложили, что войска Помпея строятся в боевом порядке. Цезарь, дабы его солдаты во время предстоящей битвы не надеялись на отступление в лагерь, приказал срыть укрепления.

Почти всех своих всадников Помпей сосредоточил на левом фланге, против прославленного десятого легиона, в рядах которого сражался сам Цезарь. Увидев это, Цезарь поставил позади десятого легиона три тысячи опытных воинов-пехотинцев. Конница Помпея представляла собой цвет аристократической римской молодежи. Зная об этом, Цезарь

приказал пехотинцам метать копья не в ноги врагам, как поступали в таких случаях обычно, а в лицо. Расчет оказался верен. Когда конница Помпея пошла в атаку, по сигналу Цезаря его всадники неожиданно отступили, а пехотинцы двинулись на врага, бросая копья в лицо противнику. Молодые воины, особенно опасавшиеся за свою внешность, не выдержали и бросились бежать. Не обращая внимания на бегущих, десятый легион двинулся против пехоты Помпея и тоже обратил ее в бегство.

Догадавшись по облаку пыли о поражении своей конницы, Помпей полностью потерял контроль над собой. Забыв о том, что он – Помпей Магн, он перестал отдавать распоряжения своим войскам и медленно побрел в лагерь. Там он молча сидел в своей палатке и только, когда вслед за бегущим войском в лагерь ворвались преследователи, произнес: «Неужели уже дошло до лагеря?» Затем он снял одежду полководца, вскочил на коня и вместе с небольшой группой друзей пустился в бегство. Тут надо отметить чрезмерную самоуверенность сторонников Помпея. Вступив в лагерь помпеянцев, солдаты Цезаря обнаружили, что там все уже готово для празднования победы. В этой битве погибло около шести тысяч солдат Помпея. Потери Цезаря были незначительными и составляли, по некоторым данным, только 200 человек убитыми.

В сопровождении небольшого количества спутников Помпей достиг Темпейской долины, находящейся невдалеке

от Эгейского моря. На рассвете, переночевав в рыбачьей хижине, беглецы поднялись на борт небольшого речного судна, вышли в море и поплыли вдоль берега. Вскоре им повстречался большой торговый корабль, принадлежавший римлянину Петицию. Он не был сторонником Помпея, но в лицо полководца знал. Накануне Петицию якобы приснился Помпей, который явился в жалком виде и заговорил с ним. Матрос доложил о приближении речного судна как раз в тот момент, когда Петиций рассказывал спутникам об этом сне. По виду Помпея Петиций догадался о случившемся и без лишних слов пригласил беглецов подняться на борт.

Забрав жену, Корнелию, и сына с острова Лесбос, Помпей продолжил плавание и вскоре прибыл в памфилийский[18] город Атталию. Здесь к Помпею присоединилось несколько триер[19] и небольшое количество воинов. Помпей узнал, что Катон во главе большого войска переправился в Африку, а флот до сих пор находится в его распоряжении. Стало понятно, что еще не все потеряно. Но прежде чем собирать силы для продолжения борьбы, Помпею нужно было найти надежное убежище, так как было понятно, что Цезарь будет его преследовать. По поводу того, где именно стоит укрыться и начать сбор войск, среди спутников Помпея возник спор. Было рассмотрено несколько возможностей: Парфянское царство, Африка и Египет. Сначала было выбрано

---

[18] П а м ф и л и я – область в Малой Азии.

[19] Т р и е р – военное судно с тремя ярусами весел.

Парфянское царство, но по прибытии на Кипр выяснилось, что парфяне отказываются принимать Помпея, боясь мести со стороны Цезаря. В Египте в это время шла гражданская война. Птолемей Дионис вел войну против Клеопатры, своей сестры. Их отцу, Птолемею Авлету, Помпей в свое время оказал серьезную услугу: в 58 году до н. э. в Египте вспыхнуло восстание и царь бежал в Рим. Помпей помог Птолемею Авлету вернуть трон. Рассчитывая на благодарность его сына, Помпей решил отправиться в Египет.

В это время Птолемей Дионис стоял с войском у Пелусия, города в дельте Нила. Помпей отправил к царю гонца с известием о своем прибытии и просьбой о помощи. Но от самого Птолемея, который был еще очень молод, ничего не зависело. Государством управляли его опекуны, и наибольшее влияние из них имели евнух Потин и военачальник Ахилла. Чтобы решить, как поступать с Помпеем, Потин собрал воспитателей и придворных царя на совет. Мнения разделились. Часть присутствующих считала, что надо отправить беглецов восвояси, часть – что их, наоборот, нужно принять и оказать содействие. Но тут слово взял некто Теодот, учитель риторики. Желая, по словам Плутарха, показать свою проницательность и красноречие, он высказался примерно таким образом: «Оба предложения представляют опасность: ведь приняв Помпея, мы сделаем Цезаря врагом, а Помпея своим владыкой; в случае отказа Помпей поставит нам в вину свое изгнание, а Цезарь – необходимость преследовать

Помпея. Поэтому наилучшим выходом из положения было бы пригласить Помпея и затем убить его. В самом деле, этим мы окажем и Цезарю великую услугу, и Помпея нам уже не придется опасаться. Мертвец не кусается». Это решение было одобрено советниками. Выполнение замысла поручили Ахилле.

И вот наступил последний день Помпея. К Пелусию подошли корабли Помпея. Ахилла на небольшой лодке направился им навстречу. С ним плыли несколько слуг и двое римлян: Септимий, который служил когда-то военным трибуном у Помпея, и Сальвий, который был у него центурионом. Увидев, что прием не отличается пышностью и навстречу кораблю плывет только несколько человек в лодке, спутники стали советовать Помпею немедленно повернуть корабль и выйти в море. В это время на стоящие у берега египетские корабли начали подниматься воины. Стало ясно, что спастись бегством не удастся. Между тем лодка Ахиллы приблизилась и Септимий приветствовал Помпея, назвав его императором. Ахилла сказал, что в этом месте очень мелко и пройти на триере невозможно, и пригласил Помпея сойти в лодку. Простившись с женой и сыном, Помпей приказал двум центурионам, вольноотпущеннику Филиппу и рабу Скифу, спуститься в лодку. Последние слова, с которыми Помпей, спускаясь в лодку, обратился к Корнелии и сыну, были отрывком из стихов Софокла:

«Когда к тирану в дом войдет свободный муж,
Он в тот же самый миг становится рабом».

Когда лодка отплыла от корабля, Помпей обратился к Септимию со словами: «Если не ошибаюсь, то узнаю моего старого соратника». Септимий только кивнул в ответ, но никаких дружеских чувств не продемонстрировал. По пути к берегу весь экипаж лодки соблюдал молчание, а Помпей читал свиток с текстом своего обращения к Птолемею. Когда лодка подплыла к берегу, к ней направилось большое количество придворных и воинов, как бы для торжественной встречи. Оставшихся на корабле спутников Помпея это ободрило. Собираясь подняться, Помпей оперся на руку Филиппа, и в этот момент Септимий ударил его мечом в спину. Сальвий и Ахилла тоже выхватили мечи. Помпей руками натянул на лицо тогу и, издав только стон, мужественно встретил смерть. Это произошло 28 сентября 48 года до н. э., на следующий день после того, как Помпею исполнилось 58 лет.

Увидев, что наихудшие опасения подтвердились, оставшиеся на кораблях подняли якоря и обратились в бегство. Уйти от погони им помог сильный попутный ветер.

Убийцы отрубили Помпею голову, а тело бросили в воду недалеко от берега. Филипп не покинул своего господина, он оставался возле трупа, пока не разошлись любопытные. Тогда он обмыл тело и обернул его своими одеждами. В каче-

стве дров для погребального костра он использовал обломки старой лодки. Пока Филипп переносил и складывал обломки лодки, к нему подошел какой-то пожилой римлянин. «Кто ты такой, приятель, коли собираешься погребать Помпея Магна?» – спросил он. Филипп ответил, что он вольноотпущенник Помпея. «Эта честь не должна принадлежать одному тебе! – сказал старик. – Прими и меня как бы в участники благочестивой находки, чтобы мне не во всем сетовать на свое пребывание на чужбине, которое после столь тяжких превратностей дает мне случай исполнить, по крайней мере, хоть одно благородное дело – коснуться собственными руками и отдать последний долг великому полководцу римлян».

Через некоторое время в Египет прибыл Цезарь. Напрасно убийцы рассчитывали на его признательность. Цезарь отвернулся, когда Теодот принес ему голову Помпея. Взяв в руки кольцо с печатью бывшего соперника, Цезарь заплакал.

Тут Плутарх сообщает противоречивые сведения. В жизнеописании Помпея говорится, что Цезарь приказал казнить Ахиллу и Потина. В главе, посвященной Цезарю, говорится, что, после того как Цезарь добился примирения Птолемея и Клеопатры, Ахилла и Потин подготовили заговор. Узнав о заговоре, Цезарь велел окружить залу, в которой проходило пиршество по случаю примирения. Потин был убит, а Ахилла смог бежать к войску и начал против Цезаря продолжительную войну. В конце концов, когда к Ахилле примкнул Птолемей, произошло сражение, в котором Цезарь одержал

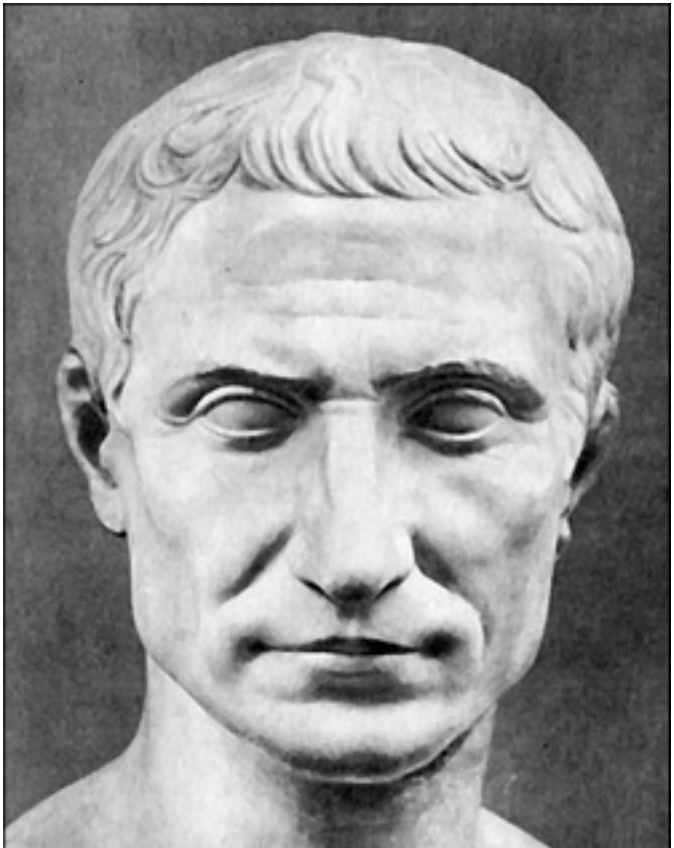
победу. Царь пропал без вести. О судьбе Ахиллы Плутарх больше не сообщает ничего.

Непонятно, какие сведения ближе к правде. Возможно, словами о том, что Цезарь приказал казнить убийц, Плутарх просто хотел подчеркнуть то, что смерть Помпея не вызвала радости его противника.

Больше известно о судьбе инициатора убийства. Теодот бежал из Египта и долго скитался, ведя нищенский образ жизни. Уже после убийства Цезаря Марк Юний Брут, находясь с войском в Азии, разыскал Теодота, привлек его к суду и казнил.

ЦЕЗАРЬ ГАЙ ЮЛИЙ

(100 или 102–44 до н. э.)



Римский полководец и политический деятель. После победы в гражданской войне над Помпеем стал практически единовластным правителем Рима. Был убит в результате заговора, организованного республиканцами.

Пожалуй, трудно назвать более известное убийство античных времен, чем убийство Гая Юлия Цезаря.

Как мы уже убедились, практика политических убийств в Древнем Риме была вполне обычна. Почему же убийство именно этого человека так широко известно? Здесь, безусловно, дело в личности самого убитого.

Роль, которую сыграл в мировой истории этот человек, невозможно переоценить. Даже биографию Гая Юлия Цезаря нельзя начать, не используя косвенно его имени. «Родился 13 июля 100 года до нашей эры». Но дело в том, что в 100 году до нашей эры даже месяца такого, как июль, не было. Даже календарь, которым пользовалась вся Европа до конца XVI века, а Русская православная церковь – и по сей день, называется юлианским, так как его ввел Цезарь. До реформы календаря, проведенной Юлием, древнеримский календарь был крайне запутанным и сложным. Сначала в нем было десять основных месяцев. Первым месяцем дореформенного календаря был мартиус (март), названный в честь бога Марса. Второй месяц – априлис (апрель) по всей видимости, получил свое название от слова априкус – согреваемый солнцем. Далее следовал майюс (май), названный в честь богини

Майи, за ним – юниус (июнь) – в честь богини Юноны. Названия оставшихся шести месяцев образовывались от числительных. Квинтилис (пятый), секстилис (шестой), септембер (седьмой), октобер (восьмой), новембер (девятый) идецембер (десятый). Несколько позднее появилось еще два месяца. Одиннадцатый – януариус (январь) – в честь бога Януса и двенадцатый – фебруариус (февраль) – месяц «очищения». Новый календарь был составлен с помощью египетского математика и астронома Сосигена и введен с 1 января 45 года до н. э. Начало года было перенесено на январь, из-за чего «пятый» стал седьмым, «шестой» – восьмым и так далее. После реформы квинтилис был переименован в честь Юлия и стал называться юлиус (июль). Позднее примерно та же история произошла и с секстилисом, переименованным в честь Августа.

Но вернемся непосредственно к Гаю Юлию Цезарю.

Политическая деятельность нашего героя оказала громадное влияние на государственный строй Древнего Рима. Имя Цезаря стало позднее титулом римских императоров (знаменитая книга Светония так и называется «Жизнь двенадцати Цезарей» и начинается главой «Божественный Юлий»). В дальнейшем от этого титула произошли немецкое слово «кайзер» и русские «кесарь» и «царь».

Как полководец Юлий внес значительные изменения в карту современных ему Европы и Северной Африки. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха Цезарю соот-

ветствует сам Александр Македонский, из-за которого, как известно, немало стульев пострадало. В различных войнах и походах Цезарь провел большую часть своей жизни.

Гай Юлий Цезарь оставил след в истории не только как полководец и политический деятель. Он известен и как писатель, автор двух трудов: «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне». «Записки о Галльской войне» стали образчиком классической латыни. Многие поколения студентов изучали латынь по этому произведению.

Наряду с целым рядом выдающихся качеств Цезарь обладал и некоторыми чертами характера, вызывавшими недовольство современников и осуждение потомков. Чрезмерное властолюбие, тщеславие, пристрастие к чувственным наслаждениям – все это не могло не подвергнуться критике со стороны политических противников и в конце концов привело Цезаря к гибели.

До сих пор не известен точный год рождения Цезаря. Исследователи расходятся во мнении: 100 или 102 год до нашей эры. Род Юлиев, к которому принадлежал Цезарь, по легенде, происходил от Юла, сына Энея, а значит внука самой Венеры. Тетка Цезаря была замужем за Гаем Марием, который являлся очень весомой политической фигурой тех времен. Сам Цезарь в возрасте шестнадцати лет женился на дочери Корнелия Цинны, ближайшего сподвижника Мария.

Казалось, что молодому человеку обеспечена легкая и быстрая политическая карьера. Но в это время к власти в ре-

зультате гражданской войны пришел противник Мария Луций Корнелий Сулла. Сулла потребовал, чтобы Цезарь развелся с женой. Тот отказался и был вынужден уехать в Малую Азию. Там он некоторое время служил в римской армии. Когда Цезарь возвращался из этой поездки, произошло событие, которое очень хорошо иллюстрирует его характер. Он был захвачен пиратами, и те потребовали выкуп в размере 20 талантов. Но Цезарь, сказав пиратам, что они не знают, кого захватили, сам предложил им увеличить выкуп до 50 талантов. Около сорока дней друзья собирали деньги для выкупа. Все это время Цезарь находился среди пиратов. При этом он держал себя гордо и независимо. Участвовал в гимнастических соревнованиях пиратов, запрещал им шуметь, когда отдыхал. Кроме того, он читал вслух свои речи и стихи, а когда пираты не высказывали уважения к его творчеству, называл их неучами, варварами и обещал повесить. Надо сказать, что свое обещание Цезарь выполнил. Когда после внесения выкупа пираты его отпустили, он собрал несколько военных кораблей, приплыл на остров, где его держали разбойники, и расквитался с обидчиками сполна: захватил их богатства, а самих приказал распять.

Вернувшись после смерти Суллы в Рим, Цезарь всерьез занялся своей политической карьерой и принялся с громадной энергией наверстывать упущенное время. Поскольку уже давно никто в роду Цезаря не занимал высоких должностей, рассчитывать на поддержку аристократии не прихо-

дилось. Оставалось полагаться на народ. Он завоевывал любовь народа, призывая к суду знатных людей. Устраивал роскошные, не по средствам, пиры и приемы, ради которых влез в громадные долги. Началась головокружительная карьера: в 73 году до н. э. Цезарь был избран военным трибуном. В 68 году – отправился в качестве квестора[20] в Испанию. В 65, вернувшись в Рим, был выбран эдилом[21]. На организацию празднеств, игр и различных зрелищ Цезарь также щедро тратил собственные средства. В 63 году Цезарь в трудной борьбе победил на выборах верховного жреца. Оптиматы были обеспокоены все возрастающей популярностью Цезаря в народе и решили противостоять его дальнейшему политическому росту.

В это время Цицероном был раскрыт заговор Каталины. Каталина со своими сторонниками, опираясь на бедняков, которым пообещал отмену долгов и раздачу конфискованного у богачей имущества, пытался захватить власть. Цезарь был причастен к заговору, но, несмотря на имеющиеся доказательства, Цицерон не привлек его к суду. Слишком велика была популярность Цезаря в народе.

В 62 году до н. э. Цезарь стал претором. А на следующий год добился того, что его назначили наместником в Испа-

---

[20] К в е с т о р – должностное лицо, заведующее казной.

[21] Э д и л ы – младшие должностные лица. В их обязанности входила и организация зрелищ. Должность эдила была как бы стартовой ступенью в карьере. Стремясь к более высоким должностям, эдилы пышными представлениями старались произвести впечатление на избирателей.

нии. Благодаря этой должности Цезарь надеялся поправить материальное положение, сильно подорванное политической борьбой. Отъезду Цезаря мешали многочисленные кредиторы, и ему пришлось обратиться за помощью к Крассу. Когда, по дороге в Испанию, Цезарь проезжал какой-то бедный городок, один из его спутников сказал со смехом: «Неужели и здесь есть борьба за должности, споры о первенстве, раздоры среди знати?», на что Цезарь вполне серьезно заявил: «Что касается меня, я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

Находящиеся в его подчинении войска Цезарь использовал для завоевания западных областей Испании, ранее Риму не принадлежавших. За счет этой войны Цезарь не только поправил свое финансовое положение, но и нажил солидное состояние. Выгодной оказалась эта война и для воинов. Войско провозгласило Цезаря императором. А следовательно, по прибытии в Рим его ожидал триумф. Но от триумфа наш честолюбивый герой отказался. Дело в том, что, по традиции, до триумфального шествия полководец должен был находиться вне Рима. А Цезарь хотел добиваться должности консула, для чего требовалось его присутствие в столице.

Прибыв в Рим, Цезарь сумел примирить старинных противников, Помпея и Красса. Так образовался первый триумвират.

Теперь настало время познакомиться с организаторами антицезарианского заговора.

Можно сказать, что Марк Юний Брут был потомственным противником единовластия. Его легендарный предок по отцовской линии, Юний Брут, поднял восстание против последнего римского царя Тарквиния Гордого и изгнал его из Рима. Мать Брута, Сервилия, была сестрой философа и политического деятеля Катона, который, как мы уже отмечали, отличался своей честностью, прямотой и глубоким уважением к римским традициям и законам. С юных лет Брут старался во всем быть похожим на своего замечательного дядю. Позднее он женился на дочери Катона.

Брут получил прекрасное образование. Он был знатоком философии, искусным оратором, прекрасно владел не только родным языком, но и греческим.

Когда началась гражданская война между Помпеем и Цезарем, все были уверены, что Брут станет на сторону последнего, так как по приказу Помпея был в свое время убит отец Брута. Это произошло во время подавления Помпеем восстания против Суллы (см. предыдущую главу). Поэтому Брут никогда не приветствовал Помпея и не разговаривал с ним. Но, будучи по происхождению и воспитанию ярым сторонником республики, Брут присоединился к Помпею. Даже в разгар военной кампании Брут не оставлял своих занятий наукой.

О втором лидере будущего антицезарианского заговора, Гае Кассии Лонгине, сведения в основном отрывочны. Согласно Плутарху, Кассий был родственником Брута. Степень

родства не указывается. Уже после осуществления заговора бывшие сторонники Цезаря приписывали все благородные начинания заговорщиков Бруту. Кассий же обвинялся в приземленных мотивах и личной ненависти к Цезарю. Цезарь во время гражданской войны захватил в городе Мегары львов, принадлежавших Кассию. Кассий готовил зверей для праздничных игр, посвященных его будущему вступлению в должность эдила. Во время взятия Мегар защитники города выпустили львов на свободу, надеясь, что те преградят дорогу наступающим. Звери не были посвящены в такие стратегические тонкости и бросились на самих защитников. Цезарь не вернул львов Кассию, и тот якобы затаил на него обиду. Но такая логика кажется странной. Ведь Кассий воевал в той войне на стороне противников Цезаря и был не только прощен последним, но и получил впоследствии высокую должность. Трудно поверить, что Кассий мог затаить обиду на человека, не вернувшего ему животных, захваченных при таких обстоятельствах.

Более того, еще в детстве Кассий проявил себя как противник тирании. Он обучался в школе вместе с Фавстом, сыном Суллы. Однажды, когда Фавст хвастался единовластием своего отца, Кассий вскочил и набросился на него. Опекуны Фавста хотели подать в суд, но вмешался Помпей. Пригласив к себе обоих мальчиков, он спросил, как началась ссора. Кассий воскликнул: «Ну, Фавст, только посмей повторить здесь эти слова, которые меня разозлили, – и я снова разобью тебе

морду». Таким образом, трудно сказать, что на самом деле руководило Кассием, личная неприязнь к Цезарю или ненависть к тирании вообще.

Еще известно, что во время проигранной Крассом войны с парфянами Кассий показал себя как хороший полководец. Он смог не только уцелеть сам, но и спас от гибели отряд, находящийся под его командованием.

К Бруту Цезарь относился с явной симпатией. Например, он приказал своим воинам не убивать во время битвы Брута и доставить к нему, если тот сдастся в плен, если же нет – отпустить, не причиняя вреда. Такое отношение, скорее всего, объясняется не только и не столько уважением к личным качествам Брута, сколько тем, что в молодые годы Цезарь был более чем близок с его матерью, Сервилией, и Брут по срокам как раз мог быть плодом этой связи.

После поражения при Фарсале Помпей бежал к морю. Брут спрятался от противников в зарослях камыша на каком-то болоте, а ночью смог добраться до фессалийского города Ларисса. Оттуда он написал Цезарю письмо, и тот, ни в чем не обвиняя Брута, ввел его в число своих приближенных. Позднее, по просьбе Брута, Цезарь простил и Кассия, который тоже участвовал в Фарсальской битве на стороне Помпея.

Цезарь должен был продолжить борьбу против остатков помпеянцев, которые под предводительством Катона и Сципиона находились в Африке. По воле Цезаря, Брут стал пра-

вителем Предальпийской Галлии (47 год до н. э.). За время своего правления в провинции Брут показал себя с самой лучшей стороны. В отличие от своих коллег, управляющих другими областями, он не поставил себе целью, как можно быстрее обогатиться за счет населения Галлии. Разбив противников, Цезарь возвратился в Италию и нашел, что города, которыми управлял Брут, процветают. Тогда Брут, благодаря помощи Цезаря, получил самую высокую из преторских должностей, городскую претуру. Интересно, что на эту же должность претендовал и Кассий. Тот остался обиженным, несмотря на то, что получил другую преторскую должность.

Брут стал фактически второй фигурой в государстве. Казалось, ему оставалось только дождаться того времени, когда могущество Цезаря сойдет на нет, а слава его подвигов несколько забудется. Этот факт подтверждает, что двигали Брутом не личные мотивы, а политические убеждения.

Нельзя сказать, что убийство Цезаря стало неожиданным событием. В том числе и для него самого. Практически неограниченная власть Цезаря не могла не вызвать недовольства среди оптиматов, и он это прекрасно понимал. Аристократы стали подстрекать Брута к заговору. Однажды утром судейское возвышение, на котором Брут исполнял свои преторские обязанности, оказалось заваленным табличками с надписями примерно такого содержания: «Ты спишь, Брут», «Ты не Брут» и тому подобное. На статуе древнего Брута появлялись надписи подобного содержания: «О,

если бы ты был сегодня с нами!», «Если бы жил Брут».

Кассия Цезарь открыто подозревал во враждебных намерениях и несколько раз высказывал эти подозрения вслух. Вот несколько примеров: однажды он сказал своему окружению: «Как вы думаете, чего хочет Кассий? Мне не нравится его чрезмерная бледность». В другой раз Цезарь получил донос, в котором говорилось, что Марк Антоний и Долабелла готовят мятеж. Цезарь сказал: «Я не боюсь этих длинноволосых толстяков, а скорее бледных и тощих», имея в виду Брута и Кассия. Надо отметить, что доносы Цезарь получал с завидной регулярностью. Большинство из них были просто попытками убрать политического противника или ослабить его влияние. Скорее всего, именно поэтому Цезарь не отнесся серьезно к предупреждениям о реальном заговоре. Получив соответствующий донос на Брута, Цезарь, коснувшись рукой груди, сказал: «Неужели, по-вашему, Брут не повременит, пока *это* станет мертвой плотью!»

Между тем опасность была вполне реальна. Бороться против Цезаря политическими методами оптиматы не могли и очень желали его смерти. Друзья советовали Цезарю увеличить охрану, но тот ответил, что лучше один раз умереть, чем жить в постоянном страхе.

Гораздо серьезней Цезарь отнесся к предзнаменованиям. И это чуть было не спасло его. Тут следует вспомнить, какое большое значение придавали римляне разного рода знамениям. Громадное их число предшествовало смерти Цезаря.

Вспышки света, одинокие птицы, прилетавшие на форум, раздававшийся по ночам шум непонятного происхождения, у животного, которого Цезарь должен был лично принести в жертву, не оказалось сердца. Какой-то прорицатель предупреждал Цезаря, что в мартовские иды[22] его ожидает большая опасность.

Якобы в день смерти по дороге в сенат Цезарь встретил прорицателя и сказал насмешливо: «А ведь мартовские иды пришли!», на что тот ответил: «Пришли, но не прошли».

Основным инициатором заговора все-таки можно назвать Кассия. В разговорах с друзьями он намекал на то, что нужны решительные действия против Цезаря. Многие соглашались, на том условии, что Брут тоже выступит на их стороне.

Кассий отправился к Бруту, рассказал ему, что скоро состоится заседание сената, на котором внесут предложение о том, чтобы облечь Цезаря царской властью. Затем он спросил, собирается ли Брут присутствовать на этом заседании. Брут сказал, что не придет. «А что, если нас позовут?» – спросил Кассий. «Тогда долгом моим будет нарушить молчание и, защищая свободу, умереть за нее», – отвечал Брут. Тогда, поняв, что Брут на их стороне, Кассий произнес: «Но кто же из римлян останется равнодушным свидетелем твоей гибели? Разве ты не знаешь своей силы, Брут? Или ты думаешь, что твое судейское возвышение засыпают письма-

---

[22] И д ы – так римляне называли пятнадцатый день марта, мая, июля, октября и тринадцатый день всех остальных месяцев.

ми ткачи и лавочники, а не первые люди Рима, которые от остальных преторов требуют раздач, зрелищ и гладиаторов, от тебя же – словно исполнения отеческого завета! – низвержения тирании. И сами готовы ради тебя на любую жертву, любую муку, если только и Брут покажет себя таким, каким они хотят его видеть?»

Таким образом Брут стал во главе заговорщиков. Он привлек на их сторону еще нескольких преданных делу республики римлян. Некоторые антицезарианцы предлагали склонить на свою сторону и Марка Антония, но один из них сказал, что уже пытался, соблюдая предосторожности, говорить с Антонием о заговоре. Тот якобы и Цезарю не донес, но и не высказал желания принять участие. Тогда возникло предложение убить вместе с Цезарем и Антония. Но против этого категорически возражал Брут. Было принято решение оставить Антония в живых. Но Антоний был известен своей физической силой. Поэтому договорились, что перед покушением кто-то из заговорщиков должен будет отвлечь его разговором перед входом в курию[23].

Несколько слов нужно уделить и жене Брута – Порции. На людях Брут ничем не выдавал своего беспокойства. Но дома он не смог скрыть свои волнения и заботы от Порции. Чтобы добиться доверия мужа, она отважилась на такой поступок: закрывшись в спальне, Порция сделала себе ножом глубокий

---

[23] К у р и я – здание для общественных собраний, иногда так называли и само собрание.

надрез на бедре. Вскоре у нее начались сильные боли и лихорадка. Брут был огорчен и взволнован. Тогда Порция обратилась к нему с речью: «Я – дочь Катона, Брут, и вошла в твой дом не для того только, чтобы, словно наложница, разделять с тобой стол и постель, но чтобы участвовать во всех твоих радостях и печалях. Ты всегда был мне безупречным супругом, а я… чем доказать мне свою благодарность, если я не могу разделить с тобой сокровенную муку и заботу, требующую полного доверия? Я знаю, женскую натуру считают неспособной сохранить тайну. Но неужели, Брут, не оказывают никакого воздействия на характер доброе воспитание и достойное общество? А ведь я – дочь Катона и жена Брута! Но если прежде, вопреки всему этому, я полагалась на себя не до конца, то теперь узнала, что не подвластна и боли». После чего она показала мужу рану на бедре и рассказала об испытании, которому себя подвергла.

Накануне, во время обеда, приближенные Цезаря завели беседу о том, какой вид смерти предпочтительней. Цезарь выкрикнул раньше всех: «Неожиданный». Ночью, когда Цезарь спал, все двери и окна в его спальне вдруг отворились. Проснувшись от шума, Цезарь увидел, что его супруга, Кальпурния, рыдает во сне. Ей приснилось, что она обнимает убитого мужа. Утром она стала просить мужа не идти в сенат и отложить заседание. Это встревожило Цезаря, так как раньше его жена особым суеверием не отличалась. Он послал к гадателю, и тот сообщил, что предзнаменования неблаго-

приятны.

Все эти «подробности» могли, конечно, появиться и позднее, уже после смерти Цезаря. Это еще раз говорит о том, что Цезарь стал для римлян не просто популярной, но даже легендарной личностью.

Узнав о неблагоприятных предзнаменованиях, Цезарь решил послать Марка Антония распустить сенат. Но тут вмешался еще один участник заговора, Децим Юний Брут Альбин (не нужно путать его с Марком Юнием Брутом, о котором шла речь раньше). Этот человек служил под командованием Цезаря еще в Галлии и теперь пользовался неограниченным доверием последнего. Даже был записан вторым наследником в завещании Цезаря. Он начал высмеивать гадателей и говорить, что сенаторы будут возмущены, если заседание не состоится. Ведь сенат был собран по предложению Цезаря, и его собирались провозгласить царем римских провинций. Если уже собравшемуся сенату объявить, что он должен разойтись и собраться вновь, когда Кальпурния увидит другие сны, то это будет расценено как издевательство. И даст лишний повод недоброжелателям обвинить Цезаря в тирании. Если же Цезарь действительно считает, что этот день неудачный из-за плохих предзнаменований, то он должен сам обратиться к сенаторам и попросить перенести заседание. Убежденный этими доводами, Цезарь в сопровождении Децима Брута пошел в сенат.

По дороге с Цезарем пытался заговорить какой-то раб, ви-

димо, имевший распоряжение предупредить его об опасности. Но из-за толпы, окружавшей Цезаря, не смог к нему пробиться.

Пока Цезарь медлил, волнение среди заговорщиков росло. Бруту и некоторым другим посвященным в заговор пришлось, скрывая волнение, исполнять свои преторские обязанности и разбирать судебные дела. Один раз заговор едва не был раскрыт по недоразумению. К одному из его участников, народному трибуну Сервилию Каске подошел знакомый и сказал: «Ты, Каска, скрыл от нас свою тайну, а Брут мне все рассказал». Каска чуть было не проболтался, но тут его собеседник продолжил: «С чего же это ты, мой любезнейший, так быстро разбогател, что собираешься искать должности эдила?»

Нервное ожидание продолжалось. Кто-то из домашних Брута прибыл с известием, что Порция при смерти. Дело в том, что от волнения Порция потеряла сознание, но вскоре пришла в себя. До Брута же дошла только информация о первом из этих событий. Естественно, что это сообщение спокойствия Бруту не прибавило. Но тут объявили, что Цезарь уже близко.

У входа в сенат Цезарю стали подавать многочисленные свитки с прошениями. Цезарь брал свитки и передавал их рабам. В этот момент его еще раз пытались предупредить о нависшей угрозе. Один из сторонников Цезаря, знавший о заговоре, подошел к нему вплотную, подал свиток с подроб-

ностями готовившегося покушения и сказал: «Прочти это, Цезарь, сам, не показывая другим, – и немедленно! Здесь написано об очень важном для тебя деле». Цезарь взял свиток и даже несколько раз попытался улучить мгновение, чтобы его прочесть, но сделать этого не смог из-за большого количества обращавшихся к нему просителей. Он так и вошел в сенат, держа в руках этот свиток.

По воле рока заседание сената в тот раз происходило в одном из величественных зданий, построенных Помпеем. Кстати, это обстоятельство заговорщики посчитали благоприятным знамением. В зале стояла статуя ныне покойного противника Цезаря.

Кассий якобы посмотрел на изображение Помпея и безмолвно призвал его на помощь.

Децим Брут, как и было решено заранее, задержал Марка Антония снаружи, заведя с ним беседу. Часть заговорщиков расположилась за креслом Цезаря, часть двинулась ему навстречу. Один из них, Туллий Кимвр, стал просить вернуть из изгнания его брата, а остальные присоединились к просьбе. Заговорщики проводили Цезаря до кресла. Сев в кресло, Цезарь ответил на их просьбы отказом. Тогда Туллий Кимвр схватил и стащил с шеи тогу Цезаря. Это было сигналом. Тут же стоявший сзади Каска выхватил меч и ударил Цезаря в затылок. Удар оказался несильным, и Цезарь с криком «Негодяй, Каска, что ты делаешь?» схватил меч Каски. Сенаторы, не посвященные в заговор, от ужаса не могли двинуться с

места. Заговорщики окружили свою жертву и принялись со всех сторон наносить удары мечами. Заранее было оговорено, что каждый нанесет минимум один удар. Брут нанес Цезарю удар в пах. Цезарь сначала пытался оказать сопротивление, метался и кричал, но при виде Брута с обнаженным мечом натянул на голову тогу и прекратил сопротивляться. Произошло это 15 марта 44 года до н. э.

Произносил ли Цезарь на самом деле знаменитые слова «И ты, Брут» или «И ты, дитя мое» – неизвестно. Цезарь получил двадцать три ранения. В суматохе многие из нападавших ранили друг друга.

Сразу же после убийства заговорщики попытались успокоить присутствующих. Но Брут не смог произнести речь. В курии началась паника, сенаторы бросились бежать. Марк Антоний, переодевшись в одежду раба, скрылся. Заговорщики с обнаженными мечами и окровавленными руками двинулись на Капитолий[24]. По пути они весело смеялись, призывали народ к свободе, приглашали встречных аристократов присоединиться к ним. На Капитолии Брут произнес речь, пытаясь объяснить народу мотивы убийства Цезаря. Речь эта была воспринята благосклонно. Тогда Брут в сопровождении цвета аристократии спустился на форум. Он произнес речь, которую собравшаяся к тому времени толпа выслушала молча. Народ жалел о смерти Цезаря, но с уважением относился к Бруту. Когда же еще один из заговорщиков выступил

---

[24] К а п и т о л и й – один из семи холмов, на которых стоит Рим.

с обвинительной речью против убитого, раздались гневные крики. Недовольство толпы быстро росло, и Бруту вместе с его сторонниками пришлось снова подняться на Капитолий.

Узнав о том, что заговорщики больше никому не причинили вреда, Антоний убедил их спуститься с Капитолия и дал в заложники собственного сына. Уже вечером он принимал у себя Кассия, а другой цезарианец, Лепид, – Брута.

На следующий день был созван сенат. Марк Антоний выступил с предложением решить дело полюбовно: заговорщиков ни в чем не обвинять, Бруту, Кассию и некоторым другим – назначить в управление провинции, но и в распоряжениях Цезаря ничего не отменять, а его самого похоронить с почестями. Предложение это при поддержке Цицерона было принято. Все превозносили на разные голоса мудрость Антония, который уничтожил в зародыше междоусобную войну. Но славы мудрого государственного мужа ему оказалось мало. На похоронах Цезаря, когда Антоний произносил хвалебную речь, толпа начала волноваться. Угадав настроение народа, он назвал заговорщиков подлыми убийцами и душегубами. Толпа пришла в ярость. Она прямо на форуме, из скамей и столов сложила для убитого погребальный костер, а затем, с горящими головнями кинулась к домам заговорщиков. Брут, Кассий и многие их сторонники были вынуждены бежать из столицы.

После бегства Брута, Кассия и их сторонников из Рима вокруг Антония сплотились бывшие цезарианцы. Вдова уби-

того передала Антонию все деньги и бумаги Цезаря, в том числе и завещание. Антоний стал хозяином положения, он по собственному усмотрению распределял государственные должности, ссылаясь на то, что такова была воля покойного.

Но через некоторое время в Рим прибыл наследник Цезаря, Гай Юлий Цезарь Октавиан. Сначала между ним и Антонием возникли разногласия (последний не спешил отдать Октавиану его наследство). Дело даже дошло до войны. Но потом Октавиан и Антоний примирились, образовав так называемый второй триумвират (к их союзу присоединился и Лепид).

За это время Брут и Кассий смогли собрать внушительные войска. Антоний и Октавиан выступили им навстречу. Через два с половиной года после смерти Цезаря в Македонии на Филиппских полях состоялись две битвы. Первая (в октябре 42 года до н. э.) победителя не выявила. Но она стоила жизни Кассию. Войска Брута сражались с Октавианом, Кассия – с Антонием. Солдаты Кассия обратились в бегство. Сам полководец геройски сражался, но был вынужден отступить. С небольшой группой воинов он поднялся на холм. Оттуда Кассий заметил большой отряд всадников, скачущих в его сторону. Это были солдаты Брута, но Кассий из-за своего слабого зрения принял их за вражескую погоню. Решив, что и Брут проиграл битву, Кассий покончил с собой.

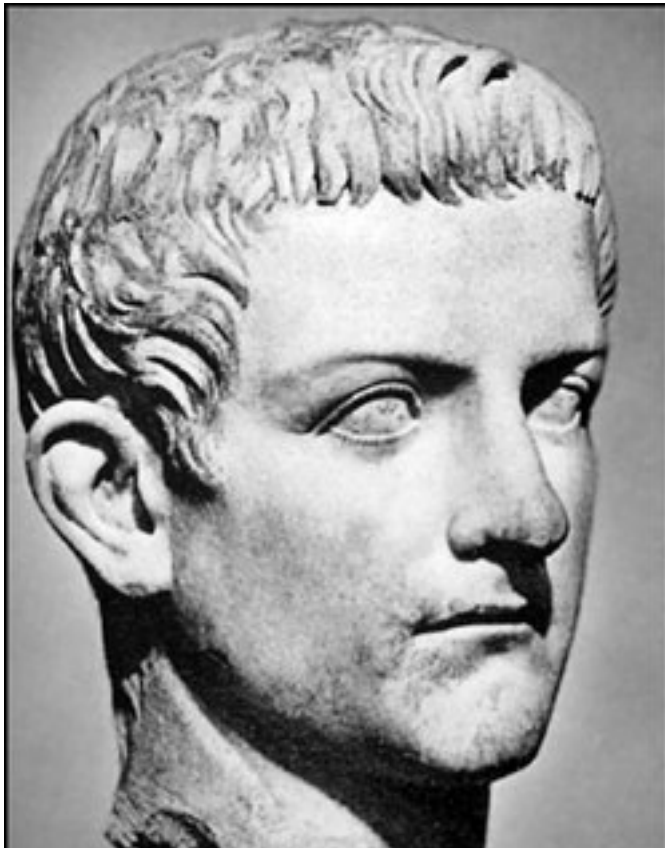
После поражения во второй битве при Филиппах (середина ноября 42 года до н. э) Брут также покончил жизнь само-

убийством.

Убийцы Цезаря в борьбе за дело республики своей цели не достигли. После поражения войск Брута и Кассия уже никто не мог противостоять установлению единовластия в Риме. В 31 году до н. э. в гражданской войне Октавиан победил Антония и стал единовластным правителем государства. Рим превратился в империю.

ГАЙ ЦЕЗАРЬ ГЕРМАНИК КАЛИГУЛА

(12–41)



Римский император. Стремление Калигулы к неограниченной власти и требование почестей себе как богу вызывали недовольство сената и преторианцев. Убит преторианцами.

Итак, место действия не меняется. Меняется время. Гая Юлия Цезаря Калигулу убили в 41 году н. э., через 80 с лишним лет после убийства Цезаря (героя предыдущей главы). Обрисовать сложившуюся в Риме ситуацию легче всего, вкратце описав события, произошедшие в этот временной промежуток. В 31 году до н. э., победив в гражданской войне Марка Антония, фактически единоличным правителем государства становится Октавиан. Формально Рим остается республикой. В 27 году до н. э. Октавиан заявил в сенате, что передает власть сенату и народу Рима. Но на деле отказываться от власти он не собирался. Заранее подготовленный к этому событию сенат – неугодные были изгнаны из числа сенаторов – «отставку» не принял. Сенат «приказал» Октавиану остаться у власти. Он получил титул принцепса[25]: в сенаторском списке его имя шло первым (государственный строй в Риме I–III веков нашей эры историки так и называют «принципат»), имя-титул Августа (священный, божественный) – этот титул предоставлялся до этого только богам, назначался главой всех провинций, в которых были легионы, то есть становился верховным главнокомандующим или императором. Впоследствии «император» из глав-

[25] П р и н ц е п с – первый сенатор.

нокомандующего превратился в главу государства. Несколько позднее Октавиан Август был «выбран» главным жрецом (понтификом), получил еще один титул – «отца отечества» и был приравнен к богам: в честь него был назван месяц, а в провинциях ему даже воздвигали храмы. Таким образом, он сосредоточил в своих руках все ключевые должности государства. Сенат продолжал существовать: проходили заседания, на которых принимались какие-то решения, в том числе и важные. Но как принцепс Октавиан всегда первым высказывал свое мнение, а спорить с ним было, мягко говоря, не принято.

Октавиан Август проявил себя как осторожный, умеренный, мудрый и дальновидный правитель, чего в большинстве случаев нельзя сказать о его преемниках. Он сумел прожить долгую жизнь, умереть своей смертью и передать власть своему наследнику. Более того, удержать власть Август стремился не только, а может, и не столько из властолюбия или корыстолюбия. Он и его сторонники были идейными противниками демократии. Вот слова его приближенного Гая Цильния Мецената (того самого покровителя поэтов, имя которого стало нарицательным): «Свобода и демократия – благо только тогда, когда принадлежат людям благоразумным. Гражданские войны показали, что римляне неразумны. Давать свободу таким людям – все равно, что давать меч в руки ребенка или сумасшедшего».

Но к концу правления власть отравила Октавиана. Он все

больше превращался в тирана. Например, изгнал знаменитого поэта Овидия, отменял выборы, если их результаты казались ему неудачными, и сам назначал угодных ему людей на различные должности, подписывал без меры смертные приговоры. Приближенные, в том числе и Меценат, зачастую вынуждены были сдерживать его во время вспышек гнева. Однажды, когда Август собирался подписать большое количество смертных приговоров, Меценат остановил его фразой: «Да полно же тебе, мясник!»

Вообще складывается впечатление, что римляне, воспитанные на идеях республики, просто психологически не были готовы к единовластию. Как многие представители народов, не знавших в своей истории виноделия, спиваются, буквально несколько раз попробовав спиртное, так и несколько последовавших за Октавианом принцепсов, отведав единожды верховной власти, вскоре начинали «пить этот напиток запоем» и зачастую теряли человеческий облик.

В 14 году н. э. Октавиан Август умер. К власти пришел его пасынок Тиберий. В начале своего правления он вел себя очень скромно: был равнодушен к различным почестям и даже запрещал их оказывать, непритворно злился, почуяв лесть в словах собеседника, был вежлив с сенаторами, консулами и другими должностными лицами, даже сносил упреки и насмешки сограждан, говоря, что в свободном государстве должны быть свободны и мысль, и язык. Однажды, когда кто-то обратился к нему «государь», Тиберий сказал,

чтобы больше его так не оскорбляли, и добавил: «Я государь для рабов, император для солдат, принцепс для всех остальных».

Но позднее стиль правления Тиберия изменился. Это хорошо описывают его же слова: «Пусть ненавидят, лишь бы соглашались». Тиберий мог приказать казнить любого человека в любой момент: за малейшую провинность или подозрение в ней. Более того, он считал, что смерть – не самое страшное наказание. Приговоренных пытали, некоторые изощренные пытки Тиберий придумал самолично. Вскоре никто из римлян не мог чувствовать себя в безопасности. Особенно приближенные. В связи с этим хочется несколько отвлечься и рассказать о том, каким хитроумным способом обеспечил себе безопасность один придворный предсказатель. Он «предсказал» Тиберию, что тот переживет его самого на десять лет.

Все жестокости и злодеяния, совершенные Тиберием или по его приказу, могли бы стать предметом отдельной книги. Не меньше Тиберий прославился и своими развлечениями: чревоугодием, пьянством и, особенно, разнообразнейшим развратом. На острове Капри, где он долго жил, постоянно находилось большое количество юношей и девушек, удовлетворявших любые фантазии Тиберия. Он даже ввел специальную должность: распорядитель наслаждений.

Умер Тиберий в 37 году н. э. в результате болезни, но по некоторым свидетельствам, это событие тем или иным

способом ускорил герой нашей статьи Калигула. Известие о смерти Тиберия римляне встретили с радостью.

Гай Калигула родился в 12 году нашей эры. Его отец, Германик, был полководцем и приходился племянником Тиберию. По настоянию Августа он был даже усыновлен Тиберием. Когда умер Октавиан, Германик находился во главе большого войска в Германии. Воины отказались признать наследником Тиберия и предлагали своему императору восстать и захватить власть. Это предложение Германик отверг. Вообще Германик был очень популярной личностью. Из Германии он вернулся с триумфом. В 19 году он при загадочных обстоятельствах скончался: предполагают, что его отравили по приказу Тиберия. Народ был крайне взволнован смертью прославленного полководца: толпы забрасывали камнями храмы и опрокидывали алтари богов за то, что те дали Германику умереть. Некоторые подкидывали детей, родившихся в этот «несчастливый день». Когда пронеслись слухи, впрочем неверные, о том, что полководец жив, толпа радостно бросилась на улицу. Люди пели: «Жив, здоров, спасен Германик: Рим спасен и мир спасен!» Всего у Германика было девять детей, но трое из них умерли в раннем возрасте.

Место рождения Гая точно не известно. Свое прозвище «Калигула» (сапожок) он получил потому, что воспитывался в военных лагерях среди солдат и носил солдатскую одежду, в том числе и сапоги. После смерти Германика мать Калигулы, Агриппина, прибыла в Рим и обвинила Тиберия в смерти

мужа. За это она была сослана и в ссылке покончила с собой. После этого Гай жил сначала в доме своей прабабки, а затем, после ее смерти, перешел к бабке Антонии. Его старшие братья (Нерон и Друз) были осуждены Тиберием по сфабрикованному обвинению и умерщвлены. В девятнадцать лет Калигула был приглашен Тиберием на Капри, где надел тогу совершеннолетнего (надо отметить, что обычно юноши надевали такую тогу в 14–16 лет). Таким образом, обстановку, в которой воспитывался Гай, трудно назвать спокойной. Уже на Капри проявились его наклонности: он ходил по кабакам, плясал и пел на сцене, что не соответствовало понятиям о приличии, с явным удовольствием присутствовал при пытках и казнях. О том, что вырастет позднее из этого юноши, Тиберий догадывался. Однажды, когда Калигула нелестно отзывался о диктаторе Сулле, Тиберий сказал, что сам он будет иметь все пороки Суллы и ни одного его достоинства.

Как внук Тиберия, Калигула мог надеяться на наследство. Для того чтобы увеличить свои шансы, он соблазнил жену начальника преторианских когорт[26] Макрона и через нее вкрался в доверие к самому Макрону. По другим источникам, Макрон сам устроил связь своей жены с Калигулой. Как мы уже писали, сведения о причинах смерти Тиберия противоречивы, но есть предположение, что он был отравлен этим самым Макроном. Якобы, когда Тиберий умирал, Калигула приказал снять с его пальца перстень. Тиберий еще

---

[26] Преторианцы – солдаты, охранявшие императора.

сопротивлялся, и Калигула задушил его собственными руками. Также передают, что позднее Калигула сам рассказывал о том, что однажды вошел в покои Тиберия с мечом, желая отомстить за смерть матери и братьев. Но из жалости не решился прикончить старика.

В своем завещании Тиберий называл своими наследниками Калигулу и своего несовершеннолетнего внука. Но народ и войско были полностью на стороне Калигулы: еще свежа была память о его отце. На подступах к Риму его встречали ликующие толпы. Завещание было оглашено в сенате и объявлено недействительным. Сенат посчитал, что Тиберий составлял его, находясь не в своем уме: как можно было назначить в качестве одного из наследников мальчика, который еще не мог заседать в сенате.

На первых порах Калигула сделал все, чтобы оправдать всеобщую радость и показать себя достойным возлагаемых на него надежд. С большими почестями он похоронил Тиберия. Чтобы продемонстрировать свою сыновью и братскую любовь, во время бури отправился в плавание за прахом своей матери и братьев и перевез их останки в Рим. Месяц сентябрь он переименовал в честь своего отца Германиком. Помиловал и вернул из изгнания многих осужденных, сжег публично все бумаги, касающиеся осуждения его матери и братьев (на самом деле были сожжены копии). Людей, участвовавших в сексуальных развлечениях Тиберия, Калигула хотел казнить, и только приближенные смогли уговорить его

ограничиться изгнанием. Восстановил народные собрания и выборы должностных лиц. Разрешил судьям принимать решения без его согласия. Несмотря на то что завещание Тиберия было объявлено недействительным, Калигула раздал все упоминавшиеся там подарки. Отменил полупроцентный налог на продажу. Устраивал всенародные раздачи денег, угощения для сенаторов и их семей, многочисленные и роскошные игры. Отстраивал храмы и дворцы.

Но очень скоро римляне поняли, какой достойный преемник пришел на смену Тиберию. Светоний, закончив перечисления поступков Калигулы, заслуживающих уважения, пишет: «До сих пор шла речь о правителе, далее придется говорить о чудовище». Калигула собирался принять царскую власть. Его остановили только доводы приближенных о том, что он и так выше всех царей и принцепсов. Тогда Калигула решил, что его должны почитать как бога. Он приказал привезти из Греции статуи богов и заменить их головы изображением своей. Себе, как божеству, он посвятил особый храм. Жрецами этого храма по очереди были самые именитые римляне. Они зачастую платили громадные суммы за право быть жрецами этого храма и польстить тем самым Калигуле.

Иной оборот приняли и теплые семейные чувства. Свою бабку, Антонию, неуважением и унижениями он свел в могилу и даже после смерти не отдал ей должных почестей. По некоторым предположениям, он даже отравил ее. Его тесть

Силан был обвинен в том, что отказался сопровождать Калигулу в опасном плавании за прахом матери и братьев. Согласно обвинению, он надеялся захватить власть в случае гибели Калигулы. Силана вынудили покончить с собой. Брат Калигулы, Тиберий, был казнен по не менее вздорному обвинению. Он постоянно принимал лекарства от кашля. Калигула обвинил Тиберия в том, что тот принимает противоядие, боясь быть отравленным братом.

В личной жизни Калигула тоже не отличался особой сдержанностью: даже не скрывал своих кровосмесительных связей с сестрами. Он же считал себя богом и брал пример с самого Юпитера. Кроме простых связей с замужними и незамужними римлянками, довольно распространенной практикой было отнять жену у кого-нибудь из сограждан, заключить с ней брак, а через некоторое время развестись. Гомосексуальные отношения тоже входили в число его развлечений.

Вскоре правление Калигулы стало проходить под девизом, который он любил повторять: «Пускай ненавидят, лишь бы боялись». Вообще своей патологической жестокостью Калигула если не превзошел, то, по крайней мере, не отстал от Тиберия.

Далее перечислены только некоторые примеры его вздорных, преступных и жестоких поступков. Макрон и его жена, которые помогли Калигуле прийти к власти, поплатились жизнями за эту услугу. Когда выросли цены на скот, которым

кормили хищников, он приказал скормить зверям преступников, заключенных в тюрьмах, вне зависимости от тяжести их преступлений. Он с большой охотой издевался и над простолюдинами, и над аристократами. Во время представлений он иногда приказывал убрать навес, а зрителей не выпускать со своих мест, чтобы они мучались от жары. Закрывал житницы, обрекая народ на голод. Сенаторов он заставлял бежать за его колесницей по несколько миль и прислуживать ему за обедом в одежде слуг. Утверждают, что только смерть помешала ему сделать своего любимого коня консулом.

Многим тайно убитым по его приказу Калигула, как ни в чем не бывало, продолжал присылать приглашения на обеды, а затем объявлял, что они покончили с собой. Одного человека, который поклялся отдать за него жизнь, Калигула приказал провести по городу в венках, а затем убить. Некоторых он приказал казнить просто из зависти, только за то, что они в каком-то своем качестве – красоте, силе или роскоши одеяния его превосходили. Многих ссылал на каторгу и казнил по абсолютно пустяковым или невероятным обвинениям. Принуждал отцов присутствовать при казнях их сыновей. Отправил на многие острова солдат, чтобы они перебили изгнанников. На основании «сожженных» писем своей матери он обвинил в причастности к ее ссылке многих знатных римлян. Прямо во время обедов при нем проводили расследования, допросы и пытки.

Свои преступления и кровожадность Калигула даже не

скрывал. Однажды, обедая с двумя консулами, он вдруг ни с того ни с сего расхохотался. Консулы заискивающе спросили, чему он смеется. На что Калигула ответил: «А тому, что стоит мне кивнуть, и вам обоим перережут глотки!» Часто, целуя очередную жену или любовницу в шею, он говорил: «Такая хорошая шея, а прикажи я – и она слетит с плеч!»

Страсть к роскоши и мотовству очень быстро привела к тому, что Калигула растратил свое громадное наследство. Для того чтобы поправить собственное финансовое положение, он казнил многих богатых людей, конфисковав их имущество. Кроме того, он объявил недействительными все завещания, в которых он или его предшественник Тиберий не были включены как сонаследники. Более того, он просто находил «свидетелей», что тот или иной человек объявлял о своем желании завещать имущество Цезарю, после чего объявлял реальное завещание недействительным. Это привело к тому, что многие богатые римляне стали во всеуслышание заявлять о том, что включают Калигулу в свои сонаследники. Он сам же считал издевательством со стороны таких людей после этого оставаться в живых и часто посылал им отравленные угощения.

Незадолго до смерти Калигула осуществил «военный поход». Это мероприятие осуществлялось с невиданными приготовлениями: было собрано громадное войско и сделаны грандиозные запасы продовольствия. Но сам поход был больше похож на детскую игру в «войну». Сражаться в тех

регионах Германии, куда отправился Калигула, было не с кем. Он устраивал фальшивые тревоги, бился с несуществующими неприятелями, отправлял вперед по пути следования сыновей германских царей, живших в Италии как заложники, а затем преследовал и ловил их, как беглецов.

Но повод для будущего триумфа Калигула все-таки получил. Сын одного из британских царей, изгнанный отцом, присоединился к войскам Калигулы. После чего Калигула послал гонцов в Рим. Гонцы должны были сообщить, что ему покорился весь остров.

Естественно, что такое «правление» не могло не вызвать недовольства. До нас дошли сведения о нескольких раскрытых заговорах против Калигулы, состоявшихся в 39 и 40 годах н. э. Наконец в 41 году был составлен очень широко и тщательно подготовленный заговор. На случай, если убить Калигулу сразу не удастся, было подготовлено два других покушения. Во главе заговора стояла группа сенаторов. Покушение возглавил трибун преторианской когорты Кассий Херея. Этот человек, несмотря на почтенный возраст, часто подвергался со стороны Калигулы жестоким насмешкам. Его главным сообщником был трибун Корнелий Сабин.

Как обычно, большое внимание при описании этих событий отводится предзнаменованиям, которые предшествовали убийству. Из Олимпии Калигула велел перевезти статую Юпитера. Когда статую попытались разобрать, она якобы разразилась хохотом. В мартовские иды молния ударри-

ла в Капитолий, это толковали так: грядет новое убийство, как некогда в этот же день (см. предыдущую главу). Один астролог якобы предсказал Калигуле скорую и неминуемую смерть. Оракул богини Фортуны сказал, что нужно опасаться Кассия. Калигула ошибся и послал убить Кассия Лонгина, который был тогда проконсулом Азии. Накануне убийства Калигула видел сон, в котором он стоял на небе у трона Юпитера и бог низверг его на землю толчком ноги. Наконец уже в сам день убийства, принося жертву, Гай был забрызган кровью жертвенного фламинго. Правда, по другим источникам, кровью был забрызган не Калигула, а один из его спутников – сенатор. Он не имел отношения к заговору, но из-за крови был принят германцами-телохранителями за одного из покушавшихся и убит.

Покушение состоялось 24 января 41 года. В это время проходили трехдневные Палатинские игры, посвященные Августу. Калигулу должны были убить при выходе с представления. Он шел по узкому подземному коридору, остановился посмотреть на готовящихся к выступлению азиатских мальчиков и похвалил их. Дальнейшие события описываются по-разному. По одной из версий, Кассий Херея подошел к Калигуле сзади и с криком «Делай свое дело!»[27] ударил его мечом по затылку. В это время Корнелий Сабин пронзил Калигуле грудь. По другим источникам, посвященные в заговор воины оттеснили спутников Калигулы в сторону. Ко-

[27] Традиционные слова жреца, подающего знак к жертвоприношению.

гда, по традиции, Корнелий Сабин спросил у него пароль, тот ответил: «Юпитер». В этот момент Кассий Херея крикнул «Получай свое!» и ударил повернувшегося на крик Калигулу в подбородок. Гай с криком «Я жив!» повалился на землю. Но на крик помощь не подоспела: остальные заговорщики добили свою жертву, нанеся ей около тридцати ударов. Есть также сведения, что первым ударом Херея рассек императору шею. Тот встретил смерть достойно: не кричал, но пытался спастись бегством.

На шум прибежали вооруженные шестами носильщики и телохранители-германцы. Некоторые из заговорщиков были убиты на месте, с ними и несколько невиновных, другим удалось скрыться. Стража оцепила театр, на алтарь были брошены головы убитых. Разносились различные слухи, в том числе, что Калигула жив и окровавленный выступает на форуме перед народом. Многие не верили в убийство. Калигула так запугал римлян, что покушение посчитали очередной его выдумкой: способом выяснить, что о нем думают в народе, и предлогом для резни. Наконец было объявлено о его смерти, стража удалилась, и народ бросился из театра. Во время заговора были также убиты жена Калигулы, Цезония, и его дочь.

Калигула был убит на тридцатом году жизни, проведя у власти меньше четырех лет. В его вещах был найден громадный ларь с различными ядами и две тетради со списками имен: одна называлась «Меч», другая – «Кинжал». О значе-

нии этих списков легко догадаться. Тело его было сожжено только наполовину и похоронено без почестей. Только вернувшиеся из изгнания сестры перезахоронили его останки, соблюдая все обряды.

Заговорщики не пытались передать власть кому-либо. Сенат стремился к свободе и восстановлению республики. Первое его заседание было назначено на Капитолии, а не в Юлиевой курии, построенной в честь Юлия Цезаря. Многие призывали разрушить храмы, построенные в честь Юлия Цезаря и Августа. Но восстановить республику не удалось. О дальнейшем развитии событий будет сказано в следующей главе.

БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ

(10 до н. э. – 54 н. э.)

Дядя Калигулы. Римский император. Был отравлен собственной женой, которая стремилась передать власть своему сыну Нерону.

Тиберий Клавдий Друз родился в 10 году до н. э. Предыдущему принцепсу, Калигуле, Клавдий приходился дядей со стороны отца. Достоинствами своего брата, Германика, он не обладал. В детстве Клавдий перенес много болезней, в результате которых «так ослабел душой и телом», что позднее, несмотря на происхождение, долго считался неспособным

ни к какой государственной деятельности. С детства он подвергался всевозможным унижениям и насмешкам. Его мать, Антония, не скрывала своего презрения к сыну. Она считала, что природа начала его и не доделала. Желая подчеркнуть чью-то недалекость, Антония часто говорила: «Глупее моего Клавдия». Не лучше относились к юноше бабка и сестра. А вот что в своих письмах к жене говорил о нем Октавиан Август: «По твоей просьбе, дорогая Ливия, я беседовал с Тиберием о том, что нам делать с твоим внуком Тиберием[28]… И оба мы согласились, что надо раз навсегда установить, какого отношения к нему держаться. Если он человек, так сказать, полноценный и у него все на месте, то почему бы ему не пройти ступень за ступенью тот же путь, какой прошел его брат? Если же мы чувствуем, что он поврежден и телом и душой, то и не следует давать повод для насмешек над ним и над нами тем людям, которые привыкли хихикать и потешаться над вещами такого рода. Нам придется вечно ломать себе голову, если мы будем думать о каждом шаге отдельно и не решим заранее, допускать его к должности или нет». Просветления же, которые иногда с Клавдием случались, вызывали у окружающих скорее удивление, чем радость и надежду на полное его выздоровление. Вот еще один отрывок из писем Августа: «Хоть убей, я сам изумлен, дорогая Ливия, что декламация твоего внука Тиберия мне понравилась. Понять не могу, как он мог, декламируя, говорить все, что нуж-

[28] Напоминаем, что первое имя Клавдия – Тиберий.

но, и так связно, когда обычно говорит столь бессвязно».

В правление Тиберия Клавдий попробовал добиться должности консула. Но получил только знаки консульского достоинства, а реально должности не занимал. Отчаявшись сделать политическую карьеру, Клавдий переселился в загородный дом и проводил там время в пьянстве и азартных играх.

Удивительно, но такое отношение со стороны окружающих и, прежде всего, родственников в конце концов сыграло положительную роль в жизни Клавдия. Когда к власти пришел его племянник Калигула, Клавдий стал получать различные должности. Дважды был консулом, несколько раз заменял Калигулу при проведении зрелищ. Народ встречал его в таких случаях хорошо. Его приветствовали криками: «Да здравствует дядя императора!», «Да здравствует брат Германика!».

Тут следует сказать, что Калигула вовсе не питал никаких теплых чувств к своему «слабоумному» дяде. Просто в начале своего правления он пытался продемонстрировать себя лояльным по отношению к родственникам, а конкуренции со стороны Клавдия принцепс не опасался. Кроме того, дядя был постоянной мишенью для жестоких и унизительных шуток, которые доставляли Калигуле столько удовольствия. Например, когда Клавдий опаздывал на обед, то, несмотря на свое происхождение, долго не мог найти себе места. Если он, выпив на пиру, засыпал, что случалось нередко, шуты

бросали в него косточками от фиников. Иногда его «в шутку» будили ударом хлыста или прутьями, или надевали ему спящему на руки сандалии, чтобы потом, когда его будили, он, еще не до конца проснувшись, тер ими лицо. Позже, уже придя к власти, Клавдий говорил, что при Калигуле он во многом специально притворялся глупцом, иначе вряд ли бы выжил. Последнее утверждение очень правдоподобно. Стоит вспомнить, как беспощадно Гай Калигула разделывался со своими родственниками и приближенными.

К власти Клавдий пришел во многом благодаря случаю. После убийства Калигулы Клавдий в испуге спрятался за занавесом в одной из галерей. Его ноги заметил пробегавший мимо солдат-преторианец. Обнаруженный Клавдий в ужасе бросился в ноги солдату, но тот поднял его и приветствовал как императора. Затем преторианцы, не зная, как поступить, посадили Клавдия в носилки и отнесли в свой лагерь. В страхе Клавдий провел ночь, но увидев, что ему не угрожает опасность, стал думать о том, какую выгоду можно извлечь из сложившегося положения. На следующий день в сенате начался дележ власти между двумя лидерами заговора: Валерием Азиатиком и Марком Виницием. Сенат никак не мог прийти к согласию. Между тем толпа, боясь междоусобиц, требовала единовластия, и уже называли имя Клавдия. Боясь такого противника, сенаторы отправили к нему послов с требованием прийти в курию. Но Клавдий к тому времени принял присягу от воинов и пообещал каждому из них со-

лидную награду. Тогда сенаторы, увидев, что войско на стороне Клавдия, стали просить хотя бы принять власть из рук сената.

Надо сказать, что, придя к власти, Клавдий вел себя на удивление скромно. По крайней мере, в сравнении со своими предшественниками. Он отказался от большинства почестей, решение многих государственных дел отдал на рассмотрение сенату, на судах часто присутствовал в качестве простого советника, был вежлив и предупредителен с различными должностными лицами. В государственных делах он отличался непостоянством. Часть его поступков можно назвать достаточно разумными, часть – легкомысленными. В суде он иногда принимал мудрые и справедливые решения, иногда – спорные, а подчас и парадоксальные. Светоний приводит по этому поводу массу примеров.

За время правления Клавдия, а находился он у власти 14 неполных лет, улучшилось финансовое положение империи, была упорядочена система налогообложения, осуществлены многие грандиозные и полезные проекты: закончено строительство водопровода, осушено Фуцинское озеро, построена гавань в пригороде Рима Остии, отстроены многие пришедшие в негодность постройки.

Большое внимание Клавдий уделял снабжению Рима продовольствием. Часто устраивал раздачи народу денег, грандиозные игры и зрелища.

Но своим вредным привычкам Клавдий стал предаваться

с большим азартом. На пьянство, игру в кости, роскошные пиры и чувственные наслаждения он тратил много времени и средств. Подобно Калигуле и Тиберию, не чужд был Клавдий и болезненного интереса к казням и пыткам.

Несмотря на в общем-то спокойное правление, на Клавдия было совершено несколько неудачных покушений. Один раз даже вспыхнула междоусобная война, которая, правда, была пресечена в зародыше самими восставшими. Они, раскаявшись, убили своего предводителя.

Но настоящим горем и источником опасности для Клавдия стали его жены. Женат он был четыре раза. С первой женой он развелся из-за ее развратного поведения. Со второй – по причине мелких разногласий. После этого он вступил в брак с Валерией Мессалиной. Но та не только оказалась ему неверна, но и попыталась вместе со своим любовником захватить власть. Разоблачив заговор, Клавдий приказал казнить Мессалину, а сам поклялся перед своими преторианцами, что отныне в брак не вступит, а если не устоит, то пусть они сами заколют его. На свою беду, Клавдий не устоял. Но отнюдь не преторы стали причиной его смерти. Роковым для него стал четвертый брак с Агриппиной Младшей.

Этой личности, как основному «действующему» лицу главы, следует уделить больше внимания. Агриппина Младшая была дочерью Германика и Агриппины Старшей и родной сестрой Калигулы. Следовательно, Клавдию она приходилась племянницей. От первого брака Агриппина имела сы-

на Луция Домиция Агенобарба (будущего императора Нерона). По легенде, после рождения сына астролог сказал ей, что мальчик будет царем, но убьет свою мать. На что Агриппина ответила: «Пусть убьет меня, лишь бы царствовал». Отец мальчика, Гней Домиций Агенобарб, умер, когда ему было только три года, в 40 году н. э. После его смерти Калигула отправил Агриппину в ссылку. Но вскоре он был убит, к власти пришел Клавдий и вернул племянницу в Рим. После смерти Мессалины Агриппина поняла, что такой шанс добиться власти для себя и своего сына упускать нельзя. Она обольстила падкого на женские прелести дядю и в 49 году н. э. вышла за него замуж. Для того чтобы этот кровосмесительный брак стал возможен, Клавдию понадобилось специальное решение сената.

В 50 году н. э. Клавдий усыновил сына Агриппины и дал ему имя Тиберий Клавдий Нерон. Достаточно быстро, однако, Клавдий понял, что и этот брак не принесет ему счастья. Новая жена изменяла ему и занималась у него за спиной различными политическими интригами, в основном направленными на обеспечение своему сыну наследства.

Вскоре Клавдий стал явно тяготиться своим браком и жалеть о том, что усыновил Нерона. Агриппина забеспокоилась. И было отчего. Многое свидетельствовало о том, что Клавдий может лишить Нерона наследства и передать его Британику, своему сыну от брака с Мессалиной. Например, однажды встретив Британика, Клавдий очень тепло его при-

ветствовал, крепко обнял и пожелал ему вырасти, чтобы принять от отца отчет во всех делах. Клавдий спешил поскорее надеть на Британика тогу совершеннолетнего и говорил при этом: «Пусть наконец у римского народа будет настоящий Цезарь!»

Но особенно насторожили Агриппину слова, которые обронил однажды Клавдий. Он сказал, что такова его судьба – выносить беспутство своих жен, а затем обрушивать на них кару. Решение было принято. Все приготовления Агриппина сделала с чувством, с толком, с расстановкой. Она долго размышляла, какой именно яд нужно применить. Слишком быстродействующий яд мог бы вызвать подозрения, если же воспользоваться медленным – то Клавдий, почувствовав приближение смерти, мог бы успеть изменить завещание. Тут предпочтительней был бы яд, вызывающий сперва помутнение рассудка, а затем – медленную смерть. Без специалиста было не обойтись. Агриппина обратилась к некоей Локусте, известной отравительнице того времени. Яд, приготовленный Локустой, был подан, по одной версии, евнухом Галотом, в обязанности которого входило пробовать блюда, перед тем как их ел Клавдий. По другой версии, яд подала сама Агриппина в блюде с белыми грибами – излюбленном лакомстве Клавдия.

Дальнейшие события тоже описываются по-разному. Светоний приводит два варианта этих событий. Согласно одному из них, после принятия яда у Клавдия отнялся язык. Про-

мучившись всю ночь, уже под утро он умер. Согласно другому – сперва Клавдий впал в беспамятство. Но затем от обилия принятой пищи его вырвало. После чего яд дали повторно: то ли в каше, которую ему предложили, чтобы укрепить силы после рвоты, то ли вместе с промыванием, которое применили для «очистки» желудка. Несколько иначе и к тому же подробнее описывает эти события Тацит. По изложенной им версии, то, что Клавдий отравлен, непосвященные присутствующие поняли не сразу. Клавдий был пьян и беспечен. Затем с ним случился приступ поноса, что принесло явное облегчение. Тогда Агриппина в панике бросилась к врачу Ксенофонту – еще одному участнику заговора. Ксенофонт, якобы для того чтобы вызвать рвоту, ввел в горло Клавдия перо, смазанное уже быстродействующим ядом.

О смерти Клавдия сообщили не сразу, нужно было приготовить все для вручения Нерону верховной власти. Более того, произносились молитвы о его здоровье, уже мертвого принцепса обложили припарками и покрывалами, во дворец приглашались комедианты, якобы для того, чтобы развлечь больного. Как бы находясь в глубочайшем горе и ища утешения, Агриппина бросилась в покои Британика, заключила его в свои объятия, называла точной копией отца и под разными предлогами не выпускала из покоев. Так же взаперти она держала его сестер – Антонию и Октавию. Время от времени Агриппина объявляла, что самочувствие Клавдия улучшилось.

Когда, наконец, о кончине Клавдия было объявлено, на ступенях дворца воины приветствовали семнадцатилетнего Нерона как императора. Затем его на носилках отнесли в лагерь преторианцев, где он произнес короткую речь перед солдатами. Отсюда Нерон последовал в сенат, где был буквально осыпан всевозможными почестями. Завещание Клавдия всенародно объявлено не было. Агриппина, Нерон и их сторонники опасались, как бы несправедливость этого завещания не вызвала гнев народа: ведь Клавдий, имея родного сына, основным наследником сделал пасынка. Позже, уже по приказу самого Нерона Британик был отравлен.

Агриппина отнюдь не собиралась, предоставив власть сыну, уйти на покой. Первое время она настойчиво принимала участие во всех делах Нерона и государства. Но характер нового принцепса проявился очень быстро. Он ни с кем не желал делиться властью. Между Агриппиной и Нероном произошел разлад. Яблочко от яблони недалеко падает. В 59 году, через пять лет после прихода к власти, Нерон с величайшей изобретательностью подготовил и осуществил убийство матери. Легендарное предсказание сбылось.

АНГЛИЯ

БЕКЕТ ТОМАС

(1118–1170)

Архиепископ Кентерберийский с 1162 г. Политический деятель. Выступал против политики Генриха II, направленной на подчинение английской церкви светской власти. Убит по распоряжению короля. Канонизирован в 1173 г.

История не всегда справедлива к тем или иным выдающимся личностям. Немногие английские монархи могут сравниться по величине вклада в становление и развитие английского государства с правившим тридцать пять лет королем Генрихом II Плантагенетом. До Генриха II английские короли, бывшие одновременно правителями различных областей на территории современной Франции, практически не уделяли внимания своим островным владениям, считая их второстепенными. Придя к власти в возрасте двадцати одного года, Генрих II своими решительными действиями сумел быстро усмирить баронскую смуту, многие годы терзавшую Англию, и распустил бесчисленные отряды наемников, чинивших насилие над простыми людьми. Именно при Генрихе II впервые в Европе появился суд присяжных, были отменены испытания подсудимого «божьим судом» (когда подозреваемые в преступлении люди подвергались испытанию огнем, раскаленным железом, водой). К Англии были присоединены Уэльс и Ирландия. Генрих II провел весьма успешную военную реформу, ослабившую зависимость короля от феодальных баронов в военной области. Военная служба могла быть заменена взносом в казну так называемых

«щитовых денег», на которые король мог нанимать рыцарей, служивших ему определенное время, тогда как служба вассалов короля ограничивалась сорока днями в году.

Англия стала превращаться в могущественное государство.

И тем не менее, Генрих II вошел в историю прежде всего как организатор и вдохновитель убийства архиепископа Кентерберийского Томаса (Фомы) Бекета. Попытаемся же разобраться в причинах, толкнувших столь выдающегося государя на это преступление, омрачившее все его царствование.

В 1135 году умирает король Генрих I, младший сын Вильгельма I Завоевателя. От двух официальных браков Генрих I имел сына Вильяма и дочь Матильду (по свидетельству историков, число незаконных детей Генриха I достигало двадцати). Но в 1120 году Вильям утонул во время кораблекрушения, и, поскольку других прямых наследников мужского пола у короля не было, он просил совет баронов принять после его смерти дочь Матильду как новую королеву Англии. Но бароны не сдержали данного Генриху I обещания.

Власть в Англии захватила баронская клика во главе с племянником Генриха I Стефаном (Стивеном) Блуасским. Вскоре Матильда подняла мятеж, намереваясь добиться своего законного права на трон. После нескольких крупных стычек победа оказалась на стороне королевы. Стефан Блуасский отнюдь не был идеальным монархом, скорее наоборот. Однако правление Матильды было столь безобразным, что

буквально через несколько месяцев Англия взбунтовалась. Поддерживаемые народом бароны опять вернули на трон Стефана. Все же победители пошли на некоторые уступки – Матильде было обещано, что после смерти Стефана Блуасского королем станет ее сын Генрих Анжуйский.

Стефан Блуасский скончался в 1154 году. К этому времени под властью Генриха Анжуйского находились обширные владения во Франции: Нормандия и Анжу, перешедшие к нему после смерти отца, графа Джеффри Анжуйского, а также Аквитания, Гасконь, Пуату, доставшиеся Генриху благодаря женитьбе в 1152 году на бывшей жене французского короля Людовика VII Элеоноре Аквитанской.

Генрих II был коронован 19 декабря 1154 года в Вестминстерском аббатстве. Для проведения задуманных преобразований молодому королю нужны были способные и надежные помощники. В те времена вторым человеком в Англии считался глава Церкви архиепископ Кентерберийский. Именно к архиепископу Кентерберийскому Теобальду и обратился Генрих II, когда ему понадобилась кандидатура на пост канцлера.

Теобальд порекомендовал королю своего помощника архидьякона Томаса Бекета. Тогда-то и состоялась встреча двух выдающихся людей своего времени, бывших поначалу лучшими друзьями и соратниками, а затем ставших заклятыми врагами.

История происхождения Томаса Бекета до конца не ясна.

Достоверно известны лишь время и место рождения будущего архиепископа Кентерберийского – Лондон, 1118 год. По поводу же родителей Бекета исторические документы дают весьма противоречивую информацию. Согласно одним источникам, отец Бекета был мелким торговцем. По другим данным, Томас Бекет был сыном богатого купца, некоторое время занимавшего высокий пост шерифа Лондона.

На этом фоне весьма романтично выглядит версия происхождения Бекета, выдвинутая английским историком Голдсмитом. По этой версии, будущий второй человек Англии был сыном простого английского солдата и дочери… предводителя одного из сарацинских племен. Принимая участие в очередном крестовом походе, отец Томаса Бекета, Гилберт Бекет, якобы попал в плен к одному из сарацинских вождей. Однако провидению было угодно, чтобы в пленника отчаянно влюбилась дочь вождя племени, которая вскоре помогла Гилберту бежать. Через некоторое время прекрасная сарацинка, будучи не в силах пережить разлуку с любимым, решается на отчаянный шаг и покидает родной дом. На английском языке она знала всего два слова – «Лондон» и «Гилберт». Первое слово помогло ей попасть на борт английского торгового корабля. Оказавшись в Лондоне, молодая девушка несколько дней ходила по улицам незнакомого города, пока, наконец, совершенно случайно не встретила любимого человека. Вскоре Гилберт Бекет и его возлюбленная, после обряда крещения получившая имя Матильда, поженились.

Несмотря на свое саксонское происхождение (в те времена привилегированным классом были норманны, саксонцы же считались людьми второго сорта), Томас Бекет получил прекрасное образование, обучаясь сначала в Англии, а затем и во Франции и Италии. В 1143 году, после участия в поездке архиепископа Теобальда в Рим, Томас Бекет был отправлен в Болонью и Оксерр для изучения канонического права. Бекет еще тогда обратил на себя внимание окружающих живым темпераментом, необыкновенной памятью и глубокими знаниями. Располагала к себе и внешность высокого и стройного молодого брюнета. Товарищи Бекета считали его в высшей степени приятным, стремящимся нравиться людям и весьма честолюбивым человеком.

Постепенно влияние Бекета в окружении Теобальда росло. Вскоре Теобальд стал поручать своему выдвиженцу важные дипломатические миссии. В 1152 году Бекет проявил себя, действуя в качестве представителя архиепископа Кентерберийского в Риме, где ему удалось получить папский эдикт, запрещающий коронацию сына короля Стефана Блуасского.

Находясь на посту канцлера Англии, Бекет с каждым днем приобретал все больший политический вес в жизни Англии. Стареющий архиепископ Теобальд уже не влиял на происходящее, и Томас Бекет вскоре стал доверенным лицом короля Генриха II, помогая королю, а иногда и заменяя монарха в государственных делах. Бекет преданно проводит в жизнь политику Генриха II, бескомпромиссно и ревностно защи-

щая интересы своего короля. В 1158 году Бекет возглавил английскую миссию, отправившуюся в Париж, и там провел успешные переговоры о браке принца Генриха и старшей дочери французского короля Людовика VII.

Между королем и канцлером сложились не только деловые, но и дружественные отношения. Они вели весьма свободный, с точки зрения морали, образ жизни, оба любили хорошее вино и дорогие кушанья. Совместные пиры проходили чуть ли не ежедневно.

В 1161 году умирает глава Церкви архиепископ Кентерберийский Теобальд. Отношения между Генрихом II и Церковью были очень натянутыми, поскольку амбициозный король всеми способами пытался ограничить власть «слуг Божьих». Кроме того, Генрих II, стремясь укрепить мощь государства и армии, неоднократно пытался обложить налогами непомерные доходы Церкви. Надеясь, что верный соратник поможет обуздать аппетиты церковников и ограничить власть Церкви, Генрих II добивается назначения в 1162 году Томаса Бекета архиепископом Кентерберийским. Это назначение вызвало вполне понятное недовольство высших церковных иерархов, поскольку Бекет был человеком светским и до этого всегда поддерживал инициативы короля по серьезным ограничениям прав Церкви. Однако ни Генрих II, ни церковные деятели, никто в Англии не предполагал, какая разительная перемена произойдет с Томасом Бекетом после назначения его архиепископом Кентерберийским.

Став не только де-факто, но и де-юре вторым человеком в иерархии английской власти, из абсолютно не религиозного человека Бекет в одночасье превратился в фанатичного святошу, всем своим видом и деяниями демонстрируя невероятный аскетизм и радость наконец-то представившейся возможности служить Богу, а не королю и государству. Всегда любивший хорошую и модную одежду, новый архиепископ Кентерберийский вдруг облачился в холщовую монашескую рясу, которую не менял по несколько месяцев.

Бекет спал на холодном каменном полу, ел только хлеб и пил воду, вкус которой специально отравлял горькими травами и кореньями. Каждое утро перед Кентерберийским аббатством стали собираться нищие и калеки, которым глава Церкви лично мыл ноги, кормил и раздавал подаяние. Более того, вскоре перед лондонцами предстала и вовсе невообразимая картина. Каждое утро, и в жару и в холод, горожане видели медленно бредущего по улицам архиепископа Кентерберийского, за которым шли несколько монахов, хлеставших бичами главу Церкви. Такую епитимью Бекет наложил на себя сам в наказание за свои прошлые грехи. При этом Бекет стал всячески противодействовать Генриху II в его стремлении подчинить себе Церковь.

Такое не могло присниться Генриху II даже в самых страшных снах. Человек, которого он, король, поставил на одну ступень рядом с собой, вознеся из полной безвестности к вершинам власти; человек, обязанный ему, Генриху II,

своим положением, богатством и славой, человек, который должен был на посту главы Церкви помочь королю обуздать непомерные амбиции церковников, наконец, просто его лучший друг совершает такую подлую и абсолютно неожиданную измену! Этот удар в спину Генрих II, до того практически не знавший серьезных поражений, перенес с большим трудом.

По прошествии веков сложно судить о мотивах и поступках того или иного человека. Что же стало причиной такой резкой перемены в характере Томаса Бекета? Какое-то вдруг снизошедшее свыше озарение, после которого он стал понимать всю греховность и суетность мирской жизни? Возможно. Однако обращает на себя внимание следующий факт. В 1164 году Генрих II обвинил архиепископа Кентерберийского во многих преступлениях. В частности король обвинил Бекета в краже государственных денег в весьма крупных размерах во время пребывания его на посту канцлера. Естественно, в открытом суде Бекет громогласно отвергал все выдвинутые против него обвинения, однако вскоре тайно договорился с представителями короля о возврате денег в казну, причем в требуемых королем размерах. Не была ли резко наступившая святость Бекета попыткой скрыть свои преступления и уйти от ответственности?

Первое открытое столкновение короля и архиепископа Кентерберийского произошло в 1164 году. Несмотря на переход Бекета в лагерь противников, Генрих II все же не от-

казался от своих намерений преобразовать отношения государства и Церкви. Вскоре Генриху II представился удобный случай для проведения своих реформ в жизнь. В 1163 году некий священник изнасиловал дочь одного джентльмена, а затем, чтобы скрыть свое преступление, убил несчастную девушку и ее отца. По существовавшим тогда законам, гражданский суд не мог судить человека, имеющего духовный сан, какое бы тяжелое преступление тот ни совершил. Такое право имел только церковный суд. По сути дела для любого человека, даже не имеющего звания священника, но так или иначе работающего на Церковь (например, церковного писца или сторожа), церковный суд был надежной лазейкой, позволяющей избежать справедливого наказания за содеянные преступления. Так случилось и на этот раз. Священника судил церковный суд, который, несмотря на наличие бесспорных доказательств, убийцу и насильника оправдал. Тяжесть преступления и оправдательный вердикт суда вызвали бурю возмущения в народе. Узнав об этом, король потребовал судить убийцу гражданским судом и вообще изменить порядок судопроизводства в Англии.

Для разбирательства этого дела в январе 1164 года Генрих II созвал в Кларендоне Генеральный Совет представителей знати и духовенства. Генриху II удалось заставить всех собравшихся поставить подпись под шестнадцатью пунктами соглашения между королевской властью и Церковью. Эти соглашения стали известны как «Кларендонская Конститу-

ция». Главными пунктами этой конституции были требования об обязательном присутствии королевских юристов на заседаниях церковных судов и немедленном переводе дел осужденных духовных лиц под гражданскую юрисдикцию королевских судов.

Каким же образом Генриху II удалось заставить церковных иерархов подписать соглашения, существенно ограничивающие власть духовенства? Три дня король безуспешно уговаривал собравшихся в Кларендоне епископов, однако те ни на йоту не хотели лишаться своих привилегий. И тут на помощь королю приходит… главный защитник интересов Церкви архиепископ Кентерберийский Томас Бекет. Именно он дает указание епископам подписать «Кларендонскую Конституцию». Неужели Бекет вновь занял позицию короля? Отнюдь. Бекет прекрасно понимал, что в Риме никогда не одобрят подобный документ. Так и случилось. Папа Александр III в самых резких выражениях осудил подписанные соглашения, и тут же архиепископ Кентерберийский начал выступать с громогласными проповедями, обрушивая свой гнев на короля и всех подписавших «Кларендонскую Конституцию».

После этого обмана Генрих II обвинил архиепископа Кентерберийского в государственной измене. Понимая, что положение его становится с каждым днем все более опасным, Бекет решает бежать из Англии. В конце 1164 года глава английской Церкви оказывается во Франции, где два года жи-

вет в аббатстве Понтиньи, а затем перебирается в монастырь св. Коломба в Сансе.

Несмотря на то что Генриху II удалось изгнать из страны своего злейшего врага, он не чувствовал победы. За рубежами Англии Томас Бекет имел весьма благоприятную репутацию «святого, пострадавшего в борьбе с несправедливой властью» и множество друзей и покровителей, самым влиятельным из которых был Папа Римский Александр III. Именно Рим оказывал на английского короля сильнейшее давление. Папа в своих посланиях пытался добиться примирения короля и архиепископа, а также требовал от Генриха II вернуть Бекету конфискованные по решению королевского суда имущество и поместья.

Заочный спор между Бекетом и Генрихом II продолжался без малого шесть лет. 14 июня 1170 года в Лондоне состоялась коронация наследника престола Генриха-младшего (формально Генрих II сделал своего сына соправителем Англии, однако никакой реальной властью наследник не обладал). В нарушение традиционных прав архиепископа Кентерберийского, обряд коронации совершил архиепископ Йоркский. Это вызвало гнев папы Александра III, который под угрозой наложения на Англию интердикта (запрета совершать на наказуемой территории богослужения и религиозные обряды) заставил Генриха II пойти на уступки архиепископу Кентерберийскому. 22 июля в нормандском городке Фретиваль состоялась встреча Генриха II и Томаса Бекета.

Казалось, противоборствующим сторонам удалось достичь долгожданного компромисса: Генрих II отказывался от судебного преследования Бекета и разрешал тому вернуться в Англию, Бекет же согласился провести повторную коронацию наследника престола Генриха-младшего и обещал королю без особой надобности не вмешиваться в управление государством.

С большой помпой Томас Бекет 1 декабря 1170 года возвращается в Кентерберийское аббатство. И тотчас нарушает данные королю обещания. Он потребовал опубликовать папские послания, осуждающие кларендонские соглашения, и отстранить поддерживавших короля архиепископов Лондона, Йорка и Солсбери. Бекет также предал анафеме всех епископов, которых сам же и заставил подписать «Кларендонскую Конституцию»!

Безусловно, облеченные властью люди должны уметь сдерживать свои эмоции. И все же можно понять реакцию Генриха II – Бекет в очередной раз обманул его. В конце декабря в Нормандии состоялся Рождественский пир, на который были приглашены практически все преданные Генриху II рыцари. Однако мысли у короля были отнюдь не праздничные. Думая постоянно о ненавистном архиепископе Кентерберийском и будучи не в силах сдержать себя, он во всеуслышанье воскликнул: «Найдутся ли в моем королевстве смелые люди, которые избавят от этого предателя?!» К сожалению, летописи не сохранили абсолютно точный ход со-

бытий, а ведь от этого зависит очень многое – был ли Генрихом отдан четкий приказ убить Бекета или же слова короля были всего лишь криком души отчаявшегося человека. Как бы там ни было, четыре рыцаря – Реджинальд Фитц Урс, Вильям де Траси, Гуго де Морвиль и Ричард ла Брет – не остались равнодушными к словам своего короля. Тотчас же они отправились в Англию. 29 декабря 1170 года четверка рыцарей стояла у ворот Кентерберийского аббатства.

Дальнейший ход событий нам известен благодаря монаху Эдварду Гриму, который из потайного места за алтарем Кентерберийского аббатства наблюдал за убийством Томаса Бекета. Основные моменты его показаний вполне достоверны, хотя при их изучении следует учитывать влияние на монаха ореола святости архиепископа Кентерберийского.

Итак, 29 декабря 1170 года слуга впустил четверых рыцарей в пределы Кентерберийского аббатства. Как приближенные короля, рыцари были приняты с должным почтением. Писарь архиепископа Кентерберийского провел их в личные покои своего владыки.

– Снимите анафему со всех слуг короля и верните их в лоно Церкви, а затем убирайтесь из Англии! – увидев Бекета, потребовали рыцари и обнажили мечи.

– Я никогда не сделаю этого! – отвечал им Бекет.

Да, рыцари угрожали Бекету. И все же отметим, что они не стали сразу убивать архиепископа, а попытались поначалу заставить Бекета подчиниться воле короля.

– С этого дня с вами не может быть никакого мира. Король устал от ваших обманов. Убирайтесь! – продолжали настаивать рыцари.

– Я не подчиняюсь ничьей воле, кроме воли Господа нашего! Так и передайте своему королю!

– Тогда вы умрете, проклятый предатель, и получите то, что заслуживаете!

– Король приказал вам убить меня? Что ж, подлые убийцы, делайте свое дело! Со мной Бог, я не боюсь смерти!

После этих слов взбешенные рыцари схватили Бекета и попытались вывести его из церкви. Бекет отчаянно сопротивлялся, и в пылу борьбы кто-то из рыцарей нанес ему первый удар мечом по голове.

Томас Бекет был еще жив, когда рыцари выволокли его на улицу. «Во имя Иисуса и святой Церкви я готов умереть», – слабым голосом бормотал Бекет. Убийц уже было не остановить: на голову архиепископа Кентерберийского один за другим посыпались удары. Кровь Бекета полилась на мостовую. Услышав крики, люди Бекета пытались спасти его, но безоружные монахи ничего не могли сделать с вооруженными опытными воинами. Видя, что дело сделано, убийцы оставили бездыханное тело на тротуаре и скрылись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.